

Виталий Храмов

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Виталий Иванович Храмов
Сегодня – позавчера.
Испытание временем
Серия «Военная фантастика
(АСТ)», книга 140

Серия «Сегодня – позавчера», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37389024

Сегодня – позавчера: Испытание временем: роман / Виталий Храмов:

АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-110741-3

Аннотация

Самолёт, на котором Кузьмин-Медведь должен был вылететь из немецкого тыла, сбит над вражеской территорией. Чудом выжив, Медведь выбирается к своим. И тут же попадает в штрафную роту и в пылающий Сталинград. Но способность чувствовать врага и предугадывать его действия позволяет ему пройти тяжелейшие бои за город и собрать вокруг себя людей. И, как всегда, надо сделать невозможное, и еще немного больше. Удастся ли ему это?

Содержание

Часть 1	6
Вступительное отступление	6
В вихре времён	14
Рояль в ночи	41
Кемпинг в тылу врага	57
Размышлизмы на общие темы	64
Три закона робототехники. Или трудности перевода	73
Совет в Филях	81
Скифские набеги	104
Размышлизмы в тоске(общечеловекам – не рекомендуется!)	113
Гоп-стоп. Или как мы выпили и остановили самолёт	132
Небесный лифт	139
Медвежьи сны	145
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Виталий Храмов

Сегодня – позавчера:

Испытание временем

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 140

Цикл Виталия Храмова
СЕГОДНЯ – ПОЗАВЧЕРА

Сегодня – позавчера
Испытание огнем

Испытание статью
Испытание временем

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

© Виталий Храмов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть 1

Дед Мазай и хроно-«зайцы»

Вступительное отступление

Вильгельм фон Грейштейн замёрз. Потому что – осень. Потому что – Русланд. Потому что – подвал райкома, сейчас ставший подвалом комендатуры, не отапливался. Потому что у него отобрали всю одежду, оставив его лишь в нижнем белье и босым. Потому что он послушал этого сумасшедшего русского и бежал тогда. Бежал прямо с места их randevu. Потому он и остался жив. Единственный из всей группы. Но недалеко он сумел сбежать. Поймали, арестовали, заперли тут. И как этот русский, раненый, воняющий загнивающей раной, в полуобморочном состоянии, смог водить за нос коллег Вильгельма, а сам Вильгельм так быстро попался? Как?

Вильгельм фон Грейштейн пребывал в унынии. Он не видел ничего, кроме темноты. Ни в запертой камере бывшего архива, ни в своей судьбе. И дело даже не в том, что его расстреляют, как труса. А в том, что Вильгельм фон Грейштейн не видел смысла своего дальнейшего существования.

Он, потомок древнего рода прусских аристократов, был

унижен, размазан и перетёрт с грязью каким-то полудохлым коммунистом. По всем позициям. И прилюдно Вильгельм фон Грейштейн ещё мог бы задрать нос, но перед самим собой – сделать этого не мог. Сумел этот русский сделать больше, чем просто убить Вильгельма – он показал всю тщетность его жизни, всю мерзость его службы, бесперспективность его борьбы. А потом ещё – и пожалел его!

Пожалел! Большого унижения Вильгельм ещё не испытывал, чем непризнание его, солдата Райха, за противника, признание его недостойным смерти, а способным только внушить жалость, как ребёнок или старик. Русский нянчился с ним, как с ребёнком, лишь подвязав ему руки, чтобы не покалечился. Его! Его, Вильгельма, который всю свою сознательную жизнь готовился только к одному – к войне! Всё разговаривал с ним, сказки рассказывал, как мальчику. Не унижая вроде, но самими сказками этими намекая – посмотри, какой же ты идиот, что сам этого не видел?

Вильгельм фон Грейштейн и чувствовал себя этим мальчиком, перед которым умудрённый жизнью дедушка раскрывает всю глубину и загадочность мира, казавшегося таким простым и понятным.

Оказавшись дома, подлечившись, Вильгельм понял (в очередной раз), каким он был ослом, что поверил бредням этого сумасшедшего русского! Конечно, как же может быть иначе, если ему эти бредни даже пересказать кому-либо стыдно? Но второй раз ощущать себя ослом – даже противнее,

чем первый раз. Он же не осёл! Не осёл? А почему поверил этому красному сумасшедшему?

А тут, как специально, наткнулся на книгу основателя Наследия. И был поражён. И в третий раз – ощутив себя ослом.

Красный – не врал! А врут – его соплеменники! И вся эта красивая и соблазнительная теория расового превосходства германской нации стоит не на германском корне!

Возможности у Вильгельма фон Грейштейна были немаленькими – его семья не испытывала трудностей ни в средствах, ни в связях. А в связи с ранением, Вильгельм не испытывал затруднений и со свободным временем. Жены и детей у него не было, как и не было желания ими обзаводиться, к службе он стал непригоден, а ничего другого он не умел. И он стал активно интересоваться темами, затронутыми этим сумасшедшим коммунистом.

И вскоре пожалел. Его плотно обложили. И даже отец ничего сделать не смог, да и не хотел, искренне не понимая – почему сын не хочет служить в структуре, всё больше набирающей вес и влияние в рейхе?

Вильгельм снова служил. Только теперь всё видел иначе. Всё же этот русский сумел его заразить своим сумасшествием. Как же он проклинал этого коммуниста, как же проклинал тот день, когда банда красных дикарей напала на его лагерь, как же проклинал своё знание языка противника, что не дало красным растерзать его, как остальных

охранников лагеря!

Он снова хотел бы стать простым солдатом рейха, уничтожающим варваров для освобождения жизненной территории германской расы, но не смог. Не смог!

Не смог! Не смог быть прежним. И не мог признаться никому. Даже отец бы его не понял, не говоря уже о сослуживцах.

Нет, он не боялся. Страх не было. Он не боялся ни смерти, ни русских, ни собственной службы безопасности. Это был не страх.

Нет, он не перестал быть патриотом. Он не возлюбил вдруг Русланд, не перестал любить Фатерлянд.

Но он не хотел больше этой войны, не желал больше побед вермахту, но и не желал вермахту поражения.

Он совсем запутался в себе, жил, как призрак, делая то, что должен, без всякого желания. У него вообще не было никаких желаний. Даже информация из секретных документов, исследования его новой службы больше не волновали – всё это несло с собой такой мерзостный душок, что вызывало рвотные позывы. Одного исследования по заморозке людей живьём под открытым небом, зимой, – хватило. Чего эти... хотели добиться? Что изучить? Как мерзко! Весь этот оккультизм быстро стал вызывать тошноту. Сатанизм – вот что это было на самом деле!

И вдруг с Восточного фронта пошла информация, к которой привлекли Вильгельма. Он сразу же почувствовал,

что это тот самый красный коммунист! Ничего более, только ощущение. Как струя горячего воздуха из сталеплавильной домны в вонючем, спёртом воздухе вокруг него.

Командировки на Восточный фронт даже не пришлось добиваться – его официально включили в группу.

И вот результат – он в подвале. Мёрзнет без единого проблеска благополучного исхода. Этот Медведь умудрился не только переиграть их в их же игре, но и устроить этот чудовищный взрыв, уничтоживший всю оперативную группу, все приданные части и сделавший целый район непригодным для нахождения людей.

Вильгельма даже не интересовало – что это было за оружие, которое применил этот русский, Виктор Иванович. Одно ясно: таких невозможно победить. Вильгельм давно воюет, как воняют загнившие раны – знает. Но он не знает – как можно выжить с гангреной? Как можно с гниющей грудью, после двух недель впроголодь, убежать от ловчей команды? Убежать своими ногами! Превзойти в скорости бега откормленных элитных солдат охотничьей команды? А потом ещё и уничтожить большую часть группы преследователей из засады. Как? Как за две недели сделать из деморализованных пленных унтерменшей – солдат, способных превзойти ловчую команду?

И в этот раз опять вонь от сломанной руки. А потом он убивает обоих «подсадных». Одной левой. И исчезает вместе с объектом. Как? Куда он делся? Как этот полутруп

унёс «объект»? Как он договорился с парализованным «объектом»? Как вычислил «подсадных»?

Теперь на эти вопросы некому ответить, кроме Вильгельма. И вопросы будут заданы. Очень жестко будут заданы.

Кто-то же должен ответить за провал операции, за гибель подразделений, за отвлечение и обескровливание моторизованной дивизии СС. За провал «Медвежьего капкана». За запросы от союзников и противников, последующие за взрывом невиданной силы и последствий в глубоких тылах подконтрольных территорий вермахта. Ответить за истерики фюрера, вдруг осознавшего, что он ничего не знает и ничего не понимает в происходящих на Восточном фронте явлениях, о странных, полумистических событиях со странными, полумистическими людьми и подразделениями. И узревшему, что его Аненербе плетётся в хвосте НКВД. А служба безопасности коммунистов как раз таки плотно контролирует всю эту чертовщину.

Кто ответит? Непосредственное руководство Вильгельма осталось там, в лесу, ставшем вдруг вотчиной братьев Гримм. Как в их страшных, готических мистических сказках. Хотя после того взрыва уцелеть невозможно.

Берлинское руководство? Вильгельм усмехнулся. Он был уверен, что они-то как раз сейчас и летят сюда. И летят не столько разобраться в произошедшем и найти виновных – что их искать – вот он сидит, сколько спрятаться на бескрайних просторах этой Совдепии от ярости вспылчивого

фюрера. А там, глядишь – отойдёт. Фюрер вспылчив, но отходчив. И если не находится в истерике, то очень прагматичен.

Они прилетят и зададут вопросы. И надо будет отвечать. А что отвечать? Почему он так одержимо искал Медведя? Почему не поверил, дважды, в его смерть? Зачем провел личную встречу с Медведем, немотивированно, без согласования с руководителем группы? И зачем снабдил его пистолетом, из которого потом и были убиты агенты? Почему бежал? А как узнал в этом пленном Медведя, если никто не смог его опознать, даже солдаты его же части? Кто настоял на включении в операцию «Экспресс» именно этого пленного? Кто был генератором идеи «Медвежьего капкана»? Кто оказал вермахту эту «медвежью услугу»? А не агент ли вы Кремля, герр Вильгельм? А нет ли тут сговора меж красным сотрудником НКВД майором Медведем и сотрудником специальной службы Аненербе Вильгельмом фон Грейштейном? Явки! Пароли! Адреса!

Тишину ночи и беспросветность мыслей немца прорезал тихий скрежет, явно неестественного происхождения. Звук был не похожим ни на один слышимый Вильгельмом раньше в этом подвале. Он насторожился и, как опытный солдат, переместился, плавно и тихо, в тот угол, который окажется прикрыт открывшейся дверью. Как давно уже воевавший, он знал, что любое неизвестное событие несёт угрозу.

Но дверь не открылась. Она упала внутрь камеры. Без

удара снаружи – как будто её не держали мощные петли и не менее мощный засов. Упала будто сама, от дуновения ветра.

Колени его разом ослабли – опять чертовщина!

Чёрный силуэт скользнул сквозь дверной проём. Этот силуэт невозможно было увидеть – полная темнота стояла в подвале. Только ощутить его можно было. Не увидеть. И Вильгельм его почувствовал. И связал очередную чертовщину со всеми теми необъяснимыми событиями, что лавинообразно нарастали в его жизни.

– Виктор Иванович? – по-русски спросил он у темноты.

Как? Как такое возможно? Вся, вся экспедиция их погибла! Уничтожено всё живое на огромной территории, как он мог выжить, находясь прямо в эпицентре взрыва? Не мог! Никак не мог!

А если это не он? Тогда Вильгельм только что признался в сговоре с русскими.

– Жив, немчик! Всё же мы опять встретились. Помнишь, что я обещал тебя убить, если ещё раз встречу? – ответила ему темнота, и напротив его лица зажглись два красных, как горящие угли костра, глаза.

– Демон! – выдохнул немец и сполз на пол, лишившись чувств, как гимназистка.

В вихре времён

Сегодня почему-то не было главного моего дознавателя – сумрачного особиста. Зато было предстательно ангельского сословия – небесных солдат – лётчиков. С утра повалил, густо, мокрый снег – погода нелётная. А развлечений – кино, бабы да я. Кино, ввиду распутицы, неделю уже крутили одно и то же, бабы соответственно – те же, что и по штату положены, так же по штату и расписаны. А вот Кот Баюн, то есть я – нештатный, свежий, не надоевший. На политинформацию народ не так охотно идёт, как на мой допрос. Ввиду отсутствия «государственного обвинителя», но изрядного наличия «пипл схавает» допрос превратился в совсем уже былинное сказание: «А и сильные, могучие богатыри...»

А рассказать-то – нечего. Сплошь – особо секретное. Перед прочтением сэжечь. А расскажу им про славных и могучих партизан. Благодаря которым: «Русь века стоит – не шелохнется».

Я встал на край крыши и деактивировал шлем, с сопутствующим снятием режима мимикрии.

– Патруль времени, кули! – улыбнулся я ошарашенным лицам внизу.

Картину Репина «Ревизор» видали? А я вот увидел. Что,

ребятки, не привыкли вы к путешествиям во времени? И я не привык. А надо!

А ты чего это удумал, обдолбыш? Один из «желто-блатнюков» вскинул на меня автомат. Ха-ха! Бася активировал боевой режим, шлем зарастил мне голову, над плечом повис плазмоган, сигналив мне, что готов к открытию огня. Пули «калаша» ударили в меня. Красные вспышки на боевом интерфейсе с непонятными символами. Бася, ты почему это всё не перевёл ещё на «могучий и прекрасный»? Лентяй ты, Железный Дровосек! Да, разрешаю. Пусть будет остальным уроком.

Плазменный заряд трассером прочертил прямую линию от моего плеча к обдолбышу, тот рухнул, паря пробойной в груди. Туда теперь свободно зайдёт кулак.

Ага! А в кино – цель взрывается на ошмётки! А тут – просто дырка. Хотя в кино и пистолетные пули руки отрывают. А тут, бывает, что в фуфайках и скатках шинелей застревают.

– Сложить оружие, придурки! – устало сказал я. – Тут не кино «про ковбоев». Тут кино «про немцев». А немец – зверь серьёзный. Ещё раз повторяю: сложить оружие! Третьего предупреждения не будет! Сугроб, да очнись же ты! Я твоих людей щас аннигилировать буду! Во избежание! Встать! Строй своё подразделение! Отводи в «зелёнку»! А сам – ко мне! Так, вы, чёрно-полосатые! Вас тоже касается! Вы для меня все одинаковые! Фиолетовые!

Видя, что началось шевеление в правильном направлении, оставил Громозеку на НП наблюдателем, сам спрыгнул к раненому.

– Майор Ситнев. Радиопозывной Бредень. ГРУ. Это правда? – просипел раненый.

– Что именно?

– Сорок второй?

– Правда.

– А твоя экипировка?

– А ты думаешь, вы у меня первые? Это трофеи.

Майор смачно выругался.

– Сталин? Берия?

– Что «Сталин»?

– Я ведь подохну сегодня. И не увижу. Скажи, ты видел его?

– Как тебя сейчас, только не раненого. И даже разговаривал.

– И какой он?

– Как Сталин. Что я тебе скажу? Сам увидишь.

Майор улыбнулся грустно.

– Не надо. Такие раны и у нас – пятьдесят на пятьдесят.

А тут – без вариантов.

– Не буду тебе ничего обещать. Кто за тебя вриет?

– Манок.

Один из пиксельно-пятнистых кивнул.

– Займись личным составом и амуницией. Внимательно –

к мусору. Ничего чуждого для сорок второго не оставлять. Не следить. Не шуметь, не отсвечивать. Если они просекут, что вы из будущего, не поленятся сюда танковую дивизию пригнать. Тем более что «Мертвая голова» тут недалеко отдыхает.

– «Мертвая голова» – это сорок третий. Курская дуга, – усмехнулся боец в брезентовой куртке.

– Да ты что?! – изумился я. – А я с ними тут недавно схлестнулся. Вот не знал! Знал бы, подождал бы годик! Тут тебе не интернет-форум! Тут всё реально! И немец – реальный. И смерть – реальная. И НКВД – реальнее реального! У вас немец в Москву вошёл?

– Не, не дошёл.

– А я в уличных боях по освобождению столицы участвовал! Потому – заткнулся и не умничаешь, пока не спросят! А с вас самих ещё и спросят – почему русские люди убивают русских людей, обвязавшись разными, и – не красными, флагами! И почему ГРУ проводит операцию на своей территории?! Анархисты, ёпти!

Этих «анархистов» оставил, пошёл к «хохлам». Почему «анархисты»? Флаг этот – черный-синий-красный – у меня стойко ассоциировался с анархистами. И всё же «анархистам» я больше доверял. И дисциплина у них чувствовалась, да и меньше их, проще «пасти». А вот у их «противников» и с дисциплиной было хуже – тот же обдолбыш пример. Так что анархии больше было как раз у «хохлов». Да и больше

их, а значит – стажнее.

Очень хотелось понять – почему эти два отряда русских убивали друг друга, кто эти – в натовском камуфляже? Но, блин, этот майор Ситнев, Бредень, он же помрёт! Надо хирurga. Срочно! Надо бежать, где-то «занимать», брать в «аренду». А где? Кто пойдёт? Я? А не перестреляют ли они тут друг друга, пока я буду «лизингом» заниматься? Не разбегутся ли? Не рванут ли эти, с эсэсовскими символами, к этим самым эсэсовцам? Это я знаю, что такое СС. А каким сиропом им мозги мариновали?

Сугроб скомандовал построение. Опа, а тут не все.

– Громозека?

– Ага, я их пасу. Бегут. В разные стороны.

Ну вот, а говорил, что не видит дальше меня. Врёт, лентяй бестелесный!

– Так, Сугроб. Знакомство наше начинается с выговора. Кто эти двое?

Сугроб, грузный, оплывший, опухший, пузатый офицер в годах, с пропитой мордой и сногшибательным перегаром, опустил глаза.

– Это правда?

Ага, дежавю.

– Что именно?

– Сорок второй?

– Правда.

– А твоя экипировка?

– А ты думаешь, вы у меня первые? Это трофеи.

– Сталин? Берия?

– Что «Сталин»?

Сугроб тяжело вздохнул.

– Союз. Блин!

– Время, Сугроб. Всё! Закончили сопли размазывать! Слушайте сюда! Тут – 1942 год! Немец чуть не взял Москву, блокировал Ленинград, рвётся к Волге и Кавказу. А вы сейчас – на территории, занятой врагом! Тут ваши деды с фашистами воюют. Так что, ребята, мне не до игр! Постарайтесь понять. Я должен вас вывести к нашим – или не допустить попадания вас в руки врага. Ни вас, ни образцов вашего оружия. Вам сейчас будет дан выбор – вы на правильной стороне, или вы – враги Трудового Народа! – Да, именно так – с больших букв.

– Подумать вам время – пока я не разберусь с «самоволкой». Ну, Сугроб, колись – кто эти двое?

– Один – инструктор. Импортный. Другой – просто дурак.

А я мысленно: «Громозека твой – дурак. Проследи его. А я за импортом. За двумя зайцами погонишься – голодным уснёшь».

И я побежал. Наверное, это впечатляюще выглядит – когда стартует человек, выкидывая из-под ног комья земли, и уходит в точку, как спортивный болид.

Импортный. А по лесу ходить не умеет. След его был чётким. Да и далеко он не ушёл. Лох. Но меня почуял, пытался

даже застрелить. Ща-аз! Я его почти не бил – оплеуху влепил с автоматическим «усилением» костюма, ну забыл я про экзоскелетное усиление. И вот я бегу назад с импортом через плечо.

А Бася мне показывает – радиоперехват. Да знаю я уже, что сваливать пора. Как тут раствориться в лесу, когда лесов тут не особо, а со мной – полроты дятлов и несколько единиц бронетехники? Блин! Вот это попадалово! Как быть? Что делать? Как спрятать этих долбодятлов? Они друг друга сожрать живьём готовы. А мне надо не только их сохранить, но и не допустить попадания ничего из их вещей к противнику. Ничего. Даже мусора. Ни одной обёрточки, от чего бы то ни было. Там на всём – даты производства, да и сам материал оберток пока ещё чудо технологий будущего. Не применяется тут пока массово пластмассы.

Кроме этого, их ещё и защитить надо. От врага, от самих себя. Что-то делать с их маринованными мозгами. А как иначе? Конечно маринованные. Разве нормальный человек нацепит на себя нацистскую символику? Вдруг они, как этот дурак, дружно рванут к немцам? К «цивилизованным европейцам»? Вот радости будет Аненербе! А следующим летом мы столкнёмся с массовым применением аналога автомата Калашникова. Уж наладить его производство – смогут. Говорят, в изготовлении он – проще простого. Если в США его делали частные лавочки, считай на коленке. Как это поднимет плотность огня противника?

А массовое производство БТРов? Там же тоже всё просто и дёшево, по-советски. Как у того художника-скульптора – всё лишнее – нахрен! Вот и в БТРы – автомобильные агрегаты, газовские движки. Как это изменит облик механизированных частей вермахта? Они и сейчас – передовые по своему устройству. Вон, Роммель союзников по Атлантическому союзу малыми силами имеет в Африке – как хочет, когда хочет и где хочет. В извращённой форме. А если все танкеры получат по «калашу», сядут на БТРы? Получится аналог мотострелковой дивизии ВС СССР времён Афгана к лету 1943-го. Какой «балансный вес» получится? Равен нашей танковой армии? Или круче? Сколько за сутки сможет преодолевать такое подразделение? Вся теория стратегии ведения боевых действий опять пойдёт псу под хвост. Маршал Сталин будет думать, что такая дивизия стоит под Ржевом, а она через пару дней атакует Воронеж. Например. А наши – не успеют среагировать.

А что ещё смогут достать спецы Аненербе из этих маринованных голов?

Никак нельзя этого допустить! А как не допустить?

Ну почему?!! Почему опять-то! Почему опять я?

И я – один! Как мне «пасти» это стадо? Как защитить его? Как не дать этих чудаков на букву «М» в руки врага? Положить их всех? Перемешать мозги пулей? Тогда точно не проболтаются. А как с вещами? С бронетехникой? Сжечь всё? Не, не реально. Не получится ведь всё это привести в состо-

ание безнадёжного хлама.

Да и РККА бы не помешали БТРы и АК. Такая корова нужна самому. Му-у! Если мы свою мотопехоту посадим на БТРы – хоть как-то сравняемся по оперативности с танк-дивизионами.

И спецам Берии бы покопаться в этих маринованных мозгах. Как они в моих копались. Нам самим не мешает информация из будущего. Мало ли что и кто из них краем уха слышал? Под гипнозом вспомнят. Сколько это сбережёт жизней? Сколько миллионов человеко-дней работы? От скольких ошибок уберечь?

Потому нельзя их убивать. Наоборот сохранить. Да и чисто по-человечески – свои же! Они не виноваты, что угодили сюда. И не их вина, что родились они после 1992-го в Самостийной, Незалежной. И вся их жизнь – плавание в нацистском хохлятском маринаде.

Разве мне, русскому москалю, не мариновали мосх, что Сталин – демон? Что НКВД – кровавая гэбня? Пятьсот миллионов невинно убиенных? Верил же. Пока не стал учиться на экономиста и не появился навык сравнивать циферки. И то не верил. Задумался лишь. Только оказавшись тут, плотно поработав с НКВД, понял. Что всё непросто. Теперь и сам в рядах комсостава войск НКВД. Горжусь этим.

Эх, мне бы мою бригаду сюда! Уж прорвались бы! Вывели попаданцев к своим. Натурно показали бы «детям будущего», что белое заменено на чёрное. И что всё, что они знали

– брехня! И наше настоящее прошлое – не только героическое, но и немножко более достойное, чем им, да и мне, нам – втирали из зомбиящиков. Но я – один!

Один? Громозека, а ты что тут делаешь? Я же тебе велел...

Я со злости кинул «импорта» в дерево. «Дурак» попал в руки карателей! Несколько минут я матерился и переводил живые деревья в щепу бронированными кулаками. Ну как так меня угораздило влезть в этот хомут?! Разбегаются, как тараканы, готовы друг друга перестрелять, у некоторых на форме эсэсовские значки. Как им доверять? А мне их надо к своим вывести, никого и ничего немцам не оставить. Ни БМД, ни «калаша», ни стреляной гильзы. Как? КАК? Даже если я их всех перемножу на ноль – мишен фэелд! Твою-то в атом! Как же я попал-то!

– Не пора руководство подключать? – спросил вдруг Громозека, равнодушно наблюдавший за заготовкой дров.

– Чё?

– Через плечо. Спроси у Баси, он сможет связаться с Москвой? Мне выделили канал на экстренный случай. По моему – это он и есть. Один в поле не воин. Как там у вас говорится – воспользуемся подсказкой «помощь друга».

Ну, Баллистический Вычислитель, что ты мне скажешь? Один я? Или за мной стоит огромная страна и могучая Красная Армия, что, как всем известно, всех сильнее? Даешь связь!

– Рота! К бою! По машинам! – заорал я, вылетая к одиноко стоящим развалинам котельной. Видимо, там, в будущем – на месте этого лесочка будет населённый пункт – котельные не возводят особняком стоящими. Потому что трубы, те, что сейчас обрываются в воздухе, далеко тащить – не резон.

А у моих подопечных – веселуха. Масленичная забава – кулачный бой. Все против всех. А, нет – стенка на стенку. Чудно. А почему так тихо? Что это ручками-то? А-а, так оружие «анархисты» прихватизировали! А месятся «хохлы». Вот это броуновское движение!

– Отставить! К бою! Занять места согласно боевому расписанию! Противник! Выдвигаемся на позицию! – Бася прибавил громкости. Опасно так орать? Ничуть! Бася умеет не только узко направлять (и принимать) звуковые волны, но и как-то их закольцовывать. Поэтому на нужном расстоянии – паровозный гудок, а чуть дальше – комариный писк. Вот такие фокусы!

И я влетел ураганом в толпу дерущихся, расшвыривая их по сторонам. Потом пинками поднял всех, согнал в кучу, построил.

– Сугроб, гля, гаубицу дивизионную тебе в кормовое выхлопное отверстие, ты – командир, или где? Ты на территории врага, или кто? Или ты сейчас наводишь порядок в этом стаде, или будешь грузить на броню трупы! Ты понял меня?! – заорал я ему в лицо усиленным Басей голосом.

– Я – начштаба. Командир исчез, – буркнул Сугроб.

– Ты теперь пастух! Понял меня? Назначаю тебя командиром этого стада! А ты чё улыбишься, Манок? Ты – пастух над своими! Общее руководство – за мной! За непослушание или трусость судить буду молниеносно! По законам военного времени! Гаагский трибунал меня в вихре времён не найдёт! Кто не понял меня – шаг вперёд! Кому не доходит через голову – постучу в печень, в качестве первого и последнего. Второго – не будет. Совсем тупым буду мозги выпускать проветриваться.

Обвел нестройные ряды камуфлированных попаданцев взглядом сквозь боевую модификацию шлема. Молчат, потупившись.

– Один из ваших долбодятлов попал в руки противника. Не знаю, что вам там напели про нацистов в вашем времени, но тут они хуже зверей. Если мы сейчас не отберём у них его или его тело, нас танками и самолётами будут с дерьмом перемешивать. Советую забыть всю романтическую чушь, что сплели вокруг «истинных арийцев». И резко принять единственно верное решение. Тут вам не бардак вашего «светлого далёка». Тут конкретный порядок «сталинского террора»! И кто не с нами – тот труп! Без вариантов!

Опять обвёл толпу тактическим прицелом забрала шлема.

– Кто принял правильное решение – два шага вперёд! Кто принял неверное решение – на колени, руки – за голову. Освободить затылок для внесения профилактической при-

вивки высокотемпературной боевой плазмой!

Может, это и не верно – не оставить им выбора. Может, я и ошибаюсь, но, блин, я опять не успеваю! Нянчиться с ними нет у меня ни возможностей, ни желания. Я и так устал от всего этого, а тут опять на меня ярмо рухнуло!

– Сугроб, приводи людей в боевое состояние! Разобрать табельное оружие и боезапас. Всё лишнее – в броню! Этих, импортных – туда же. Кровавая гэбня мечтает с ними по душам поговорить. Прямо сон потеряли! А вы, анархисты! Да-да, вы, с чёрными флагами! Раненого тоже в броню. Пусть трофеи охраняет.

Все сразу побежали. И все сразу – на пересекающихся курсах. С неизбежными ДТП.

– Стоп! Все сейчас резко спорили все знаки различия! Всё сдать мне! Кроме этого – электронику, компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны, телефоны, часы, электронные брелки, плееры, флешки-херешки – всё сдать сюда! Бегом! Кто забудет что-то сдать – пусть потом не обижается!

А уж Бася с Громоzekой мне и без обыска подскажут, кто попытается меня обмануть.

Так, теперь «анархисты». Манок докладывает, что у них готовая разведывательно-диверсионная группа. Четверо – ГРУ, остальные – приданные бойцы «ополченцев» Донбасса. Тоже отслужившие «по профилю» в своё время.

– Ополченцы? А на кого ополчились?

– Так – на этих! – он кивнул на суесящихся людей Сугро-

ба.

– Не понял. Украинская армия воюет с Россией?

– Ну, они так думают. Только Россия с ними не воюет. От России тут только спецназ, и то чуть-чуть. И добровольцы.

– Гля, вот это у вас там и бардак! Ладно, потом расскажешь, в более спокойной обстановке. Сейчас приводите себя в надлежащий вид и принимаете на себя функции разведки и боевого охранения. Надо объяснять последствия попадания кого-либо из вас немцам?

– Не надо. Читали про «попаванцев». Не думали, что сами окажемся...

– Я тоже не думал, что вы мне на голову свалитесь. Только одного сплавил...

Увидев заинтересованность слишком многих, осёкся.

– Это вас не касается. Время, ребятки, время! Цигель, цигель, ай лю-лю!

Подошёл Сугроб, сумрачно пыхтя.

– Что ты, полковник, нос повесил?

– В голову не укладывается. Как-то всё...

– А ещё и голова болит, да? Опохмелить?

– Нет. С этим – покончено. Теперь – есть для чего.

Ах, вот в чём дело! Как там в песне: «Надо снова искать смысл бытия. Нахрена?!»

– Справишься с возложенными обязанностями?

Сугроб поморщился:

– Это ерунда. Я ротой ещё в Афгане командовал. Толь-

ко учти, у меня – не как у москалей, – он кивнул в сторону грушников, – У меня сброд.

– Совсем ничего не умеют?

– Как новобранцы. Сгребли на сборы кого ни попадя.

– Смотри сам. Если есть совсем бесполезные, а тем более – токсичные, вредные, безнадёжно зомбированные – упаковывай их в одну вязанку с «импортом». А там, на Большой земле – с ними разберутся. Лучше так, чем я им черепашки буду простреливать. А я ведь буду! Учтите!

Подошёл Манок.

– Есть данные по противнику? – спросил он, доставая карту.

Я мысленно подозвал Громозеку, занимающегося «обнюхиванием» людей. Он искал «незадекларированные» ценности. Призрак стал рассказывать, тыкая пальцем в карту (палец иногда «проваливался» сквозь покрытую плёнкой бумагу), а я – озвучивал. Ну, а что делать, если никто кроме меня этого духа не видит и не слышит?

– Тут деревенька. В три раза меньше, чем на карте. И этого посёлка нет. Моста – тоже нет. Там каратели...

При слове «каратели» лицо Манка ощерилось мстительным оскалом, а взгляд Сугроба «остекленел».

– Что такое?

– У меня половина нацики, – прошептал-прохрипел Сугроб. – Не надо сейчас им говорить, что это «бандеровцы». Для них они – свои. А там поздно будет.

– Кровью повяжешь? – опять усмехнулся Манок.

– Есть другой вариант? – разозлился начштаба. – У меня тут не аэромобильная бригада, как она гордо именовалась, а кучка хрен знает кого! Из принципа – кто в России не спрятался от призыва – сам виноват!

– Да и бригады у тебя нет, – поддакивает Манок.

– Да и бригады у меня нет. Перенесло кучку... – Сугроб вздохнул.

А потом улыбнулся:

– Как в детстве мечталось – с немцами и карателями самому повоевать! Ух я им... За... За... За всё!

И лицо у него стало такое, что улыбка гэрэушника сползла.

Деревня. Типичная деревня, каких тысячи от Днепра до Байкала. Домовладения вольготно раскинулись вдоль дороги. Домики, дворики, хозяйственные постройки. «Журавли» колодцев. Телеграфные столбы ещё стояли, но проводов на них не осталось. Даже обрывков.

И тишина. Даже собаки не лаяли. Зато трещало, догорая, селпо. И ни души. О чём по рации доложились все наши наблюдатели.

– Начали!

Пригибаясь к земле, в высоком бурьяне брошенных огородов, бойцы спешили проскочить открытое пространство. Бронетехнику я пока решил не подводить.

– Не нравится мне всё это, – сказал я сам себе.

Треск, сноп искр и пламени взметнулся в сереющее небо. Крыша горящего селыпо рухнула.

Перевёл доспех в режим мимикрии, побежал к сараям, не используя потребляющий энергию экзоусилитель.

Звук. Странный звук. И маленький тепловой отпечаток. И едва слышимое сердцебиение. Заворот на 45 градусов, бегу на источник звука.

Младенец. Сосёт грудь. А мамка его уже остыла давно, Басин тепловизор не обманешь. Сердце моё сжалось. Остекленевшие глаза женщины смотрят перед собой. Убита в спину. Бежала, закрывала ребёнка. К груди прижимала, чтобы не пищал. Умерла сразу – лёгкие пробиты, и крестец разбит пулей. Поэтому не пошли «контролить» – она рухнула, как падают мгновенно убитые – ноги сразу отнялись. А значит, что стрелявший имел большой опыт убийств – не раз видел, как падают раненые, а как падают уже мёртвые. Но не имел дисциплины, потому – не проверил, поленился. Закоренелый каратель.

У меня потемнело в глазах. Я догадался, почему горел сельский магазин. Не грабёж они скрывали. В магазине – все сельчане.

– Громозека, найди их, – тихо попросил я пустоту перед собой.

– Ищу... – он хотел что-то ещё сказать, но запнулся. Он так и не появился передо мной.

– Выставить боевое охранение. Противник покинул населенный пункт. Сделал своё чёрное дело и свалил. Тащите воду, будем людей тушить и хоронить.

– Чё? Как? – разные удивлённые возгласы.

Я подобрал ребёнка. Мальчик. От полугода до года, судя по размерам и весу. Я уже забыл, как это у меня было с сыном. Не ходит – значит, нет года. Подобрал вместе с матерью, оторвав ребёнка от её груди. И тут же тишину разорвал надрывный детский крик.

– Плачь, малыш, плачь! За всех нас поплачь. За тех, кто не может уже больше, – услышал я эхом слова Громозеки. Почему эхом? Потому что он озвучил мою мысль.

Весёлые и пьяные каратели, шатаясь, брели по дороге. Настроение у них было великолепным. Операция оказалась очень лёгкой и приятной. Нашли двух бежавших красных, что скрывали эти москали, вздёрнули, потом развлеклись с местными девками. По очереди. Пока одни выпытывали у стариков – куда они попрятали припасы и ценности, другие «пытали» баб. А потом всех согнали в опустошённый сарай магазина и подпалили. Как они кричали, умоляли! Умора!

Каратели не ждали угрозы. Их оружие валялось на телегах, заваленных хабаром. Лишь немногие, для которых оружие стало неотъемлемой частью, как штаны, тащили свои винтовки. И не зря.

Автоматно-пулемётный шквальный огонь сразу положил

большую часть карателей в дорожную пыль мертвыми. Те самые, не расстающиеся с оружием, при первых же звуках метнулись к деревьям, поэтому большей частью и выжили. И теперь пытались отстреливаться. Но неведомый противник стрелял непонятно откуда, казалось – отовсюду. И очень метко. Пули гулко впивались в древесные стволы, свистели над головами. Один за другим каратели утыкались лицами в пожухлую траву.

А потом прилетели гранаты. Звонкие взрывы, скупые выстрелы в ответ.

И только тогда немногочисленные выжившие каратели увидели своих противников. Парами, перебегая от укрытия к укрытию, рывками, не давая поймать себя в прицел, прикрывая друг друга, на любое шевеление – посылая очередь из малогабаритных ручных пулемётов. Сколько их было – непонятно. Не более двоих за раз. Но сколько их там, в лесу? А у страха глаза гипертрофированные.

Один за другим каратели отбрасывали прочь оружие и поднимали руки.

Я «проявился» только тогда, когда пленных согнали в кучу. Ха, я уже стал привыкать к вытарашенным в ужас глазам!

Громозека подтвердил, что никто не смог сбежать.
– Ну, поговорим? – спросил я у карателя, что поднял руки одним из последних.

– Трохи не разумею, – ответил он.

Я вздохнул.

– Вот всегда так! Как отвечать надо за свои грехи – так они «не разумеют».

Струя липкого пламени сорвалась с моей руки и окатила карателя. Душераздирающий визг потряс изжёванные пулями и осколками деревья.

– Ты тоже не разумеешь? – спросил я следующего, протягивая к нему руку с маленьким язычком пламени.

Тот икнул, закатил глаза и забился в судороге. Его штаны стремительно темнели от пояса к сапогам. Во, блин, а этот припадочный.

– Не надо! Я всё скажу! – завизжал следующий.

«Дурака» увезли в город на единственном автотранспорте, что был у карателей. Он сразу же «стал сотрудничать» и успел заинтересовать командира карателей – проштрафившегося за что-то настоящего немца. Вот так вот – командование этими выблюдками даже немцы считают наказанием. После отбытия немца с нашим «дураком» каратели и пошли вразнос.

Хотя о чём я? Год назад людей в амбаре жгли не каратели, чему я был свидетелем, а самые что ни на есть немцы.

– Сугроб, давай сюда своих нациков, – крикнул я голосом, не через радиоэфир. Специально.

Атаку проводили «анархисты». При моей пулемётной

поддержке. Воздержался я от применения «хохлов».

Выстроил их напротив стоящих на коленях карателей.

И заставил карателей рассказать о своих «подвигах». А потом выступил в роли педагога:

– Вот, мужики, посмотрите на «легендарных» бандеровцев. Про них вам сказки пели всю вашу недолгую жизнь. Героев из них лепили. А ведь это просто ублюдки. Мародёры, разбойники, убийцы и насильники. Посмотрите на них. Вы носили на себе их символику, вы кричали их лозунги, вы хотели быть похожими на них. Смотрите. Вы хотели быть ими. Вы можете стать ими – встать в их коленопреклонённый ряд. Вы хотели стать такими же, как они? Смелее!

Желающих не нашлось. Бывает! Слушать сказки и стоять в ряду приговорённых – немножко разные вещи. Продолжаю:

– Вы думали, что они с красными воевали? Нет. У красных они регулярно отсасывали. Они только для террора гражданских и были пригодны. Ни к бою, ни к подвигу они не пригодны. Только насиловать, грабить, убивать, жечь. Звери! Какой! Хуже зверей! Просто – исчадья ада, бесы! Выродки! Смотрите же на ваших кумиров! И примите решение. Если вы люди – вы встанете с нами – плечом к плечу. Если вы – нелюди – не место вам рядом с нами. И неизбежное произойдёт – вы окажетесь на коленях перед палачами. Сейчас или позже – не суть. Решайте. Да, кстати, казнь этих выродков – тоже ваша обязанность. Вы – запятнали себя их сим-

воликой – вам и расплачиваться. Дурак всегда платит за всё.

– А не слишком? – пыхтит Сугроб.

– Чтобы они сбежали за океан и оттуда проповедовали свою ересь неокрепшим мозгам детишек? Гниль надо выжигать огнём! И в себе тоже. Я тебя понимаю, Сугроб. Мы, русские, жалостливы к побеждённым. Но пора бы и отличать врага от гнилого паразита. Враг завтра может стать другом. Гнида станет только вошью. Кровососущим паразитом. Добрый дедушка Сталин им дал шанс в вашей истории. Чем закончилось? Мне ли тебе напоминать? Не из-за этого ли на твоей родной земле брат брата режет?

– Что будем с пленным? Город штурмовать – глупо, – спросил Бредень. Ему тут полегчало. Бася тут «раскололся» что можно медблок снять с комплекса и использовать автономно. Вот я и поделился медикаментами «прекрасного далёка» с командиром гэрэушников. Теперь его состояние стабилизировалось. Угрозы заражения больше нет. И кровотечение остановилось. Беда в том, что нам всё ещё нужен хирург. По-любому! Медблок умеет только ускорять регенерацию. А тут штопать надо. И доставать из тела человека то, чего там быть не должно, но было туда насильно засунуто.

– Глупо, – согласился я. – Поэтому я пойду один. А вы уж постарайтесь без меня тут не глупить. Не стрелять друг в друга, не оставлять иновременных следов противнику, не

попадать ему в плен и «не погибать героически в неравных боях». Справитесь?

– Самим не хочется к немцам. Я бы Сталина и Берию хотел увидеть. И только потом умереть.

– А Катукова не хочешь?

– Катукова?

– Ну, говорят, он легенда среди танкистов. А, Сугроб?

– Я знаю, кто такой Катуков! – поморщился Бредень. – Но я же – не танкист. Я – десантник. Почему ты про него спросил?

– Дружим мы с ним.

– А, понятно. Конечно, хочу!

– Ах да, ещё могу познакомить с Ватутиным, генералом, что Киев брал. Я и с ним хорошо знаком.

Мои собеседники рассмеялись.

– А с Жуковым?

Я покачал головой:

– Из маршалов Победы – только с Рокоссовским. Жуков пропал осенью сорок первого. Вылетел из Ленинграда и не долетел. Куда делся – непонятно. Я вот всё по тылам немцев ползаю в надежде, что найду его след. А мне всё попаданцы да попаданцы на голову сыплются и сыплются. Спасу никакого от вас уже нет. И все на мой редут.

– Значит, нас таких много? – кивнул Сугроб.

– Ага, не война, а проходной двор.

– А из какого времени?

– Да из разного. Одного занесло с 2010-го, другого – из Киевской Руси, ещё один – тоже из двухтысячных, но меня не дождался, решил в одну каску с немцами пободаться – героически погиб, пока я немножко помирал в госпитале. Потом был ещё один, из какого-то деградировавшего будущего. Полный овощ. Один, вот, мне доспех подогнал. Теперь вы. Да, кстати – не все вы попадаете из одного временного потока.

– Это как?

– Я же вам ещё раз говорю – у нас немец в Москву вошёл. А у вас?

– Нет. Не дошёл.

– Вот видишь. А тот, что из 2010-го, войны между Россией и Украиной не знает.

– Так в десятом всё равно ещё было, – махнул рукой Сугроб.

– И что с ними со всеми стало? – спросил Манок.

Я пожал плечами:

– По-разному. Из Киевской Руси дружинник – инструктор осназа, из 2010-го – конструктор бронетехники. Тот, что овощ – он и есть овощ.

– И что, их не заперли в лабораториях?

– На хрена? Работают, трудятся. Это только те, кого я знаю. Я же не один такой – ловец попаданцев. Мне не спешат докладывать. Секретность, согласен?

– Верно. Меньше знаешь – крепче спишь. А как союзники

наши зачатые заокеанские?

– Так я же говорю – секретно. Надеюсь, вы понимаете, что то, что вы слышали, как и сами вы – государственная тайна? Уровень секретности – перед прочтением сжечь.

Улыбаются:

– Конечно!

– Ну, а раз понимаете, тогда – флаг вам в руки, барабан на шею – ну и дальше по тексту. Со знаками различия – разобрались. Теперь все гильзы и прочий мусор – собрать. Там даты прошлёпаны, напоминаю. Людей перевооружить трофеями. Калибрами 5,45 и другими, ещё не применяемыми – больше не пользоваться. Оружие собрать в чрево брони. Броню замаскировать. Веток навешайте, что ли. Выдвигаться скрытым маршем вот в этот район. Следы брони замечать веником. Как делается – учить?

– Знаем.

– Уже лучше. И полное радиомолчание. Радиостанции оставить только у дозорных. В дозор – только проверенных, надёжных людей. Что ещё из режима секретности вам не понятно?

– Не дети, командир, будь спокоен.

– Надеюсь. Блин, от вас и ваших обдолбыхей – зависит будущее всего человечества! А мои – хрен знает где. Как всегда!

Вот для этого я и «проболтался». Дозированный слив сверхсекретной информации. Ну, я так думаю. Я так расчи-

тываю. Не справиться мне одному. Мне нужно их добровольное сотрудничество. Ну хотя бы лояльность. Потому и рассказал им сказку о множестве попаданцев, сняв с них тревожащий вопрос по их дальнейшей судьбе. Помню, как сам боялся НКВД, до панических атак липкого ужаса не хотел стать крысой под стеклом лаборатории. Надеюсь, поможет. Проверим, как я разбираюсь в психологии попаданцев.

– Как с тобой связаться?

– Как к тебе обращаться?

Это они в один голос спросили.

– Я – подполковник Кузьмин. Виктор Иванович. Для своих и в бою – Медведь. Со мной связываться не надо. Сам вас найду.

– Помощь нужна? – спросил Манок.

Я задумался на секунду.

– Пожалуй, да. Парочку надёжных ребят с навыками диверсантов. Для скрытных операций.

– Я, – вызвался Манок.

– А кто будет этот детский сад пасти? Сопли этим придуркам подтирать? Памперсы менять? Остаёшься здесь. Пока Бредня на ноги не поставлю. А там видно будет.

Гэрэушники переглянулись.

– Лёлика и Болика? – спросил один, второй кивнул. Тут же Манок поднял руку и отпальцевал. Перед нами проявились, по лучшей громозековской привычке, два качка в камуфляже. Один с «Печенегом», второй – с пистолетом-пуле-

мётом, но с целой батареей труб гранатомётов за плечами.

– Вот это чудо-богатыри! Целый взвод усиления. Только мне нужны «призраки», а не «танки».

– Не сомневайся, командир! Эти двое могут быть и призраками. «Винторезы» можно взять?

– Даже нужно. А этот арсенал запереть в бронниках. Чё там у тебя? «Стрела»?

– «Игла».

– А вот это беречь как зеницу ока! Нашим яйцеголовым знайкиным поковыряться. Жаль – одна! У нас же как – обязательно сломают одну. А вторую – потеряют.

– Обижаешь, командир! – пробасил один богатырь.

– Почему одна? – продолжил второй.

– Две у нас «иглы», – опять перехватил слово первый.

– Вы не близнецы?

– Даже не братья, – хором ответили эти двое из ларца. Те, что одинаковы с лица. Ну, те, что: «Чего пожелаешь, хозяин?»

Рояль в ночи

У немцев по тылам скрытно лазить стало одно удовольствие. Самый большой враг ночника – собачья сигнализация – немцами «демонтируется» сразу. И зря. На зрение ночью плохая надежда. Особенно если злоумышленник находится в режиме мимикрии.

Из допроса карателей я знал, что в этом городе есть госпиталь, где лечатся немцы, но продолжает работать и горбольница, где лечатся «второсортные» – полицаи, каратели, прислужники немцев из местных. Вот в этой больнице и работал хирургом, и не только хирургом, интересующий меня человек. Я знал его домашний адрес. И примерное местоположение этого «адреса» в городе.

Вот у нужного дома мы и залегли, прислушиваясь. Прошёл парный патруль немцев, состоящий не из немцев. Немцы не станут нашим матом разговаривать меж собой. Идите-идите! Живите пока.

Тихо в доме врача. Плохо. Хирург жил один – успел эвакуировать семью, сам остался ждать эвакуации госпиталя. Эвакуация госпиталя на восток не состоялась. Раненые красноармейцы были эвакуированы в тыл – уже немцами. В их тыл. На запад. Тут им повезло, что командир части вермахта, занявшей без боя город, не был садистом. С пленными он поступил так, как принято было раньше, до отморозков из СС.

И с персоналом больницы тоже. То есть весь персонал остался на местах и продолжал работать, но уже под немцами.

Вот. А плохо то, что врач, нужный мне, частенько оставался ночевать прямо в больнице, как рассказывали каратели. Выкрасть его из больницы совсем не то же самое, что из его же квартиры.

Врач жил в четвертушке частного дома. Когда-то, возможно, это было отдельное домовладение, но потом, как у нас принято, людей «уплотнили» – и вот в доме живут уже четыре хозяина с семьями. Коммуналка. Кстати, уплотнили как раз врача. Этот дом был его. Поэтому ему оставили самую большую комнату и сделали отдельный вход. К которому я теперь и крался.

Фу, блин, слава богу – Бася показал сердцебиение в нужном мне месте. Два сердцебиения? Как так-то? Два человека? Любовница? Нет, ритм идёт с разных сторон комнаты. Ладно, будем разбираться по ходу.

К хорошему привыкаешь быстро, а вот отвыкать сложно. Я уже успел привыкнуть, что Громозека у меня за всепроникающего соглядатая-разведчика. Но я послал Громозеку найти «попаданца» из людей Сугроба, взятого карателями в плен, а он, душара, так и не вернулся до сих пор. А, помнится, он ещё постоянно ноет, что не может покинуть пределы моего зрения. Врёт! За этим дурачком он же следил, пока тот к карателям не попал!

Да и вообще вопрос – хорошо ли то, что я призраков ви-

жу? Или он мой глюк? Но глюки же не умеют проникнуть в закрытое помещение и подглядеть, что там? Не, если я сошедший с ума экстрасенс – тогда да. Но, может быть, я и тронутый разумом, но не экстрасенс же. Так что с Громозекой до сих пор непонятно, что он такое? Неупокоенный дух, мой собственный глюк или что-то ещё? Как бы там не было, но я уже привык к нему, не только скучаю, но вот сейчас, например, ощущаю в нём потребность. Бася всё же мне не может подсказать, что там внутри происходит. А Громозека бы зашёл сквозь стену и проорал бы мне, что он там увидел. Почему проорал? Чтобы я услышал – не бегать же ему туда-сюда. Ему, душаре, хоть оборись – никто не слышит, кроме меня.

Так, что-то я размечтался. Не время – надо делом заняться!

Лезвие моего чудо-ножа легко разрежало засов, которым хозяева закрылись изнутри. А дверь закрипела. Проклятие!

Скольжу в распахнутую дверь приставным шагом. Смещаюсь сразу же в угол. Слышу щелчок взводимого курка. Револювер. Не у врача. Это они меня не видят – я-то их прекрасно вижу. У комплекса прекрасный режим ночного видения. Просто великолепный!

Врач – старичок-боровичок. А с револювером – средних лет индивидуум.

– Кто там? – тихо спросил старик.

– Не надо стрелять, – так же тихо ответил я, накрывая ла-

донью револьвер, мгновенно выкручивая его из руки хозяина.

– Шуметь тоже не надо. И свет не нужен.

Блин, я начинаю привыкать, что на меня люди смотрят такими глазами.

– Лев Валерьянович?

– Да, это я, – вскинул голову старичок.

Сожитель врача попытался отобрать у меня своё оружие. Я его легонько придавил, даже не используя усилители.

– Я же сказал: не надо шуметь. Вы сейчас меня выслушаете, а потом я уйду.

– Кто вы?

– Тень. Которой нужна помощь. Одному моему знакомому нужна срочная операция. Он ранен в живот. Ранение полостное. Состояние удалось стабилизировать, но без операции он обречён. В больницу мы обратиться не можем. Надо объяснять, почему?

Хозяин нагана перестал вырываться.

– Если мы поспешим – к рассвету я верну вас на место. Никто ничего не заметит.

– Банда Панащука не вернулась, – прошептал старик. – А у вас раненый. Вы из какого отряда?

Придавленный зашипел.

– Так вы ещё и подпольщик, Лев Валерьянович! – усмехнулся я. – Причём плохой подпольщик. Вот так вот и прижились, что знаете все окрестные партизанские соединения.

Нехорошо. Ну, а теперь ваша очередь, молодой человек. Вы кто?

– Ты сначала сам назовись! – дерзко, но тихо, сдавленно, прошипел владелец оружия.

– Осназ НКВД. Звание засекречено. Имя засекречено. Теперь, любопытные вы мои, у вас не осталось выбора. Вы идёте со мной или умираете здесь. От рук квартирных воров.

– Выбор у нас есть, дорогой товарищ. Мы идём с вами. И побыстрее! Мне, действительно, надо вернуться к утру. А ещё неизвестно – что там у вашего знакомого. Кстати, отпустите этого молодого человека. Он пришёл за тем же самым. Он от партизан. Не успел уйти до комендантского часа.

Дедок быстро собрался. Взял саквояж, накинул пальто и шапку, влез в сапоги.

Лёлик и Болик контролировали округу. Доложили, что чисто. По рации, конечно. Их плавающие ультракороткие волны не должны запеленговать.

Вышли. Не спеша, скрытно, стали выбираться из города.

– Вам точно нужно вернуться к утру? – спросил я, когда уже более-менее можно стало разговаривать – отошли «мористее».

– Иначе меня хватятся. Если не смогу объясниться – вся работа насмарку. И товарищи наши останутся без источника информации. На меня уже и так косятся предатели разные.

Мужественный старик. За свою судьбу не переживает. Бойтся, что подполье останется без агента. А вот с тобой, На-

ган, мне не совсем всё ясно. Ты мне подозрителен.

С минуту шли молча. А потом я спросил:

– Лев Валерьянович, вы не слышали – в город не приво-
дили необычных людей?

– Да, как раз сегодня одного привезли. На машине этих
бандитов Панащука. И на днях ещё одного. Немцы поче-
му-то немца же привезли. Связанного. Оба закрыты в комен-
датуре.

– Ну вот! А то мой разведчик куда-то пропал. Так, вы,
двое из ларца, одинаковых с лица – ведёте Дока и Нагана
к точке сбора. А я пойду комендатуру навещу. Там у них
непорядок. Будет всё вдребезги и пополам, как я люблю. А
утром им не до поисков какого-то врача будет.

Может, и Громозеку там где-нибудь найду.

А когда группа отделилась от меня, по рации передал
спецназовцам:

– Будьте бдительны с этими двумя. Что-то этот «парти-
зан» сильно возбудил мою паранойю.

– Угум, – ответил радиоэфир двумя парными голосами.

Комендатура. Бывший райисполком. Или что-то подоб-
ное. Два этажа, два крыла, один вход. Одно из окон светится
лампой сквозь шторы. Часовой гуляет около дверей. И ещё
один кашляет за дверью, в коридоре. Бася мне не может по-
казать тепловые отпечатки. Далеко, наверное. Бася, надеюсь
– пока только, туповат. Всё же он числится самообучающим-

ся. Не может мне по-человечески объяснить, почему не может. Несёт какую-то пургу. Проще надо, проще. Когда же ты переведёшь эти ненавистные уже иероглифы!

Полуподвал имеет низенькие окошки. А мне нужен подвал. По словам карателей и доктора – там у них КПЗ. Камера предварительного заключения. Этот полуподвал и есть искомое? Или там ещё минус один уровень?

Тенью крадусь к тыльной стороне здания. Всё же я завидовал Лёлику и Болику – несмотря на свой вес и габариты прокачанных богатырских тел – ходили они бесшумно. Я так не умею.

Вырезаю виброклинком раму окна, она «прилипает» к моим перчаткам. Ставлю к стене, прислушиваюсь – никаких звуков. А слух у меня в шлеме комплекса хороший.

Ногами вперёд проникаю внутрь. Повис на окне. Огляделся. Стеллажи, хлам, бумаги, папки дел. Мешки, обрывки каких-то тряпок. Скомканный, грязный, оборванный кумачовый, то ли транспарант, то ли флаг. Да, это надо прихватить. Негоже символу советской власти быть в таком виде, в таком месте.

Дверь закрыта снаружи. Что мне дверь? Ничего. А вот что за ней? Блин, Громозека, где же тебя черти носят? Ладно, сам так сам!

Прорезаю в деревяшке двери небольшую дыру. Чудо этот виброклинкок! Пилит же, а звука – нет. Как будто не дерево пилит со сталью, а пластилин режет. Подглядел в дырочку –

ничего и никого. Тихо. Срезаю петли и замок. Прилипалками перчаток вынимаю дверь, ставлю у стены. Опять тихо.

Коридор, двери. А вот и звук! Идёт кто-то сверху. Зачем же ты так светишь? Что там у тебя – неоновая фара дальнего света? Масляная лампа! Всего-то!

Немец увидел снятую с петель дверь, развернулся, чтобы бежать, раскрыл рот в зарождающемся крике, но моя рука в латной перчатке заткнула ему крик, раздавив горло. Внимательнее надо следить за своей тенью – а вдруг это не только твоя тень?

Интересно, как скоро его начнут искать? Предположим, что уже. Зачем я его удавил? Блин, надо было допросить! Вот вечно я, не подумав, спешу. Убивать. Может, я уже маньяком стал? Жажда убийства мне знакома. Да, я хочу убивать. Я хочу всех, кто есть в этом здании – убить. Причём ножом. Или руками, как этого.

Ладно, всё это хрень! Где тут у вас вкусненькое заныкано? Где у вас сундук подземелья драконов с фиолетовым лутом? Я стал вскрывать двери одну за другой.

Ага! А вот тут кто-то имеется!

– Виктор Иванович?!

Ба! Какие люди! Давненько не видались, Вилли!

– Жив, немчик! Всё же мы опять встретились. Помнишь, что я обещал тебя убить, если ещё раз встречу? – начал я говорить, оглядывая немца тепловизором. Что это он в исподнем – не май же месяц?

– Демон! – выдохнул немец и сполз на пол, лишившись чувств, как гимназистка.

Что это он? Бася, твой приколы? Ты меня не предупреждал, что этот режим видения выглядит «глазами демона». Выговор тебе! С внесением в личное дело! Это же демаскировка. Хотя для психологического эффекта – примем на вооружение.

Давай, Вилли, приходи в чувство, мне как-то недосуг тут с тобой нянчиться.

– Ну, Вилли, как тебе послужится в Наследии?

– Плохо. Как видите. Вы пришли меня убить?

– Не льсти своему самолюбию. Я просто мимо проходил.

А ты – опять оказался в не нужном месте в не нужное время. А я вот теперь думаю – что с тобой делать? Вот ты как думаешь?

– Я сдаюсь вам. Я – ваш пленник!

– Вот счастья-то привалило! Ещё один хомут мне на шею! Нужен ты мне! А давай я тебя тут оставлю, а сам пойду по своим делам?

– Я с вами! У меня теперь нет другого пути.

– Другого пути? Всё же зря ты, Вилли, с русскими связался. Заразился ты ересью, немцам не свойственной. Ладно, не до этого сейчас. Некогда мне. Поступай, как считаешь нужным. Мне – плевать. Только учти – за мной потащишься – пожалеешь. Я с тобой нянчиться не буду. А мешать мне будешь – вообще грохну без базара! Понял?

– Без базара, – повторил немец, тут же кивнул. – Понял! Я с вами!

– Там, в коридоре, твоя одежда лежит. Она ещё теплая. Поспеши – я тебя ждать не буду.

Ну не могу я его убить – сам не знаю почему! Знаю, что не прав, знаю, что пожалею тысячу раз, но не могу я его убить! Вот такой я неправильный маньяк!

Блин! Я уже начинаю страстно желать крепких санитаров, смиренных рубашек, мягких стен, вежливых психиатров и расслабляющих укольчиков. Как меня достали эти заморочки! Как я устал! От войны, от шахматных игр больших дядек, от постоянного контроля за «базаром», от попаданцев, призраков, совпадений, «роялей в кустах», от ответственности и долга! От самого себя. От Медведя-Кузьмина – той роли, которую мне вылепили кураторы-чекисты. От Тебя! Кем бы ты ни был, Всемогущий! От твоего задания, от всех этих устроенных Тобой «совпадений», что метеоритным дождём «роялей» сыплются на мою голову! Почему я-то? Что, у Тебя под рукой не оказалось кого-то другого? Лучшего, более приспособленного к таким подвигам? За что мне всё это?!

Пока я предавался этим невесёлым размышлениям, нашёл наконец-то и «дурачка».

– Ну, как тебе гостеприимство легендарных бандеровцев? – спросил я у придурка. Ну а кто он, если на его избитом и искалеченном пытками теле были наколоты эсэсов-

ские символы, очень похожие на кельтские руны.

– Трохи не разумию, – ответил он мне.

Не удержался, пнул его. Реально debil! Как достали эти «постсоветские» люди. «Не понимают» они! Как на заработки в Россию приезжают – так сразу – «разумиют», а чуть что – какая-то национальная гордость просыпается. И чем гордятся? Что отдельны – от нас? Да ради бога! Но ведь это – всё! Больше вам гордиться нечем! Ничего не смогли достойного сотворить за время своих «независимостей». Ничего. В нищету упали, численность населения сокращается, уровень жизни – снижается, народы деградируют, теряя здравый смысл. И всё ради чего? Ради химеры «западной жизни»? Да уж, правы были древние, когда говорили, что сон разума рождает чудовищ – химер.

Ладно, болт бы на них всех! Вяжу придурка пластиковыми стяжками. Такие используются для стягивания пучков проводов, но гэрэушники дали мне пучок таких, как аналог верёвок для связывания. А рот заткнул тряпкой, чтоб не слышать его окраинного диалекта.

Появился Вилли, спешно оправляя форму убитого мною охранника. М-да, маловато будет. Потерпит.

– Ты тащишь груз. Вопросы?

– Понял.

– То-то! Поднимаю руку так – стоишь, так – падаешь, так – бежишь. Я понятно объясняю?

– Ещё с прошлого раза помню.

– Отлично.

– А как я тебя увижу? Ты – как призрак.

– Как хочешь, так и выкручивайся. Твои проблемы – я тебя за собой не тащил. Сам пошёл. Потому – выкручивайся. Пошли. Ты знал, что я пироман?

Вилли улыбнулся. И зря ты не веришь. А вот когда он увидел, как с моей руки срывается файербол, аж подпрыгнул. Ну а как со стороны выглядит короткий импульс огнемёта? Как магический огненный шар. А я тебе ещё пульсар позже покажу – плазмоган свой не хочу раскладывать – в замкнутых пространствах он больше помеха, чем оружие.

Поджог комендатуры я начал с той самой каморки, где подобрал красное полотнище. Мусор занялся яро.

– Ну, ори: «Пожар!» на своём собачьем языке и беги на улицу. И этого слабоумного тащи на себе, типа ты его спасаешь. Вопросы?

– Я уже догадался, что ты ответишь на мои вопросы: «Мои проблемы?»

– Приятно иметь дело с умными людьми. Тогда танцуем! Сегодня мы с тобой танцуем! И забываем обо всём!

И я побежал вслед за Вилли, раскидывая кляксы огня по подвальным подклетям.

На выходе из подвала моего Вилли пытался перехватить какой-то немец, перегоротив дорогу стволом винтовки. С разбега ударил его ногой в грудь – немца снесло как кеглю.

Вилли побежал к выходу, а я – наверх, навстречу хлопаю-

щим дверям. Я же маньяк? Я же мочу ягнят? Или молчу их? А, пох! Я хочу убивать! Резать, душить, крошить, ломать! И жечь, жечь, жечь! Бася, заткнись! Я уже не буду тратить огнесмесь – огня тут и так залейся!

Ха-ха-ха! Ещё вчера, пленный, контуженый, раненый, я мечтал обернуться зелёным Халком и разнести лагерь вдребезги, поотрывав головы охране, как курятам. И вот мечта сбылась. Нет, я не Халк, но я тоже Мститель, я – Железный Человек! Это всё комиксы американские. Заразная штука. Надо и у нас что-то подобное замутить. В будущем. Авторские получу. Как в песне той – получать гонорар. Богатым стану и знаменитым, как Уолт Дисней.

Бася, ну какая же ты сволочь! Ты – самый большой обломщик на свете! Я только решил, что – Газпром, мечты сбываются, а ты – «% заряда»! Сука ты! Кремниевомозговая сука!

Ну, разок! Не отрубай мне форсаж, прошу! Спасибо, ты настоящий друг! Я всегда мечтал, как в кино, грудью проломить стену, схватить двух врагов и стукнуть их друг о друга, а потом, как дреднаут «Девиан Тул» в «Вархамере 40000» – об землю. Охренительно! Восхитительно! Божественно! Ага! Всё же можно и без матов выразить степень своих чувств, ёпти! Твою Бога! Душу! Мать!

Лёлик и Болик – бдили. Засекли меня по походке. А я их – только когда услышал щелчки встающих на предохранитель «винторезов». Зато честно – без тепловизора. Экономлю. И

тренируюсь. А что – враги сейчас все, как мотыльки, слетаются на огонь горящей комендатуры. Не до меня им. Но это там. А я – тут.

– Как прошло? – спросил один из них. Я в них пока не разбираюсь. Как они так похожи-то!

– Весело, но мало. Всё очень быстро закончилось.

Усмешки в ответ. Наши люди!

– С тобой хвост?

– Нашел я этого бандеровца. Он так мечтал с ними, кумирами, арийскими бестиями, познакомиться, а они его – пытать! Звери! Ну, никакой толерантности у этих легендарных предков! Интернета на них нет! Некому их отхейтить и завайнить!

Опять хмыкают.

– Да, знакомьтесь, это немец. По-нашему шпрехает – не хуже меня. Так что фильтруем базар.

– Пленный? Или агент?

– Сам ещё не понял. Сдам начальству, у них головы большие – пусть решают.

Опять хмыкают.

– Как поднадзорные?

– Любопытные, но смирные.

– Понятно. Ну, пошли?

Я втянул носом воздух:

– А дым Отечества нам сладок и приятен.

– Особо если в нём запечь врага, – рассмеялся Лёлик. Или

Болик? Надо им, чтобы различать, разноцветные повязки на лоб надеть, как у подростков-переростков черепашек-мутантов-ниндзя.

Шли вместе, потом я достал карту из кармана Болика, показал им новую точку сбора, а сам побежал назад, захлопнув шлем. Поигрался в Чингачкука – будет. Пришло время Хищника. А вдруг погоня? Мало мне, мало. Ещё хочу крови и мяса врага. Да и по округе пробежаться надо, понюхать – чем пахнет? Вдруг – засадой? Тем более что мой штатный неустających вездеходный дозорный – в самоволке, гад! Опять всё сам! Как же мне это надоело! Ну никто не хочет работать, разгильдяи! Докладную на него Берии напишу – будет ему, душаре, «проработочка»!

Осень. Поздний рассвет, сумрачный день. Одно хорошо – листва не облетела, «зелёнка» ещё не потеряла своих свойств. А то совсем тоскливо бы стало. Тут, в Хохланде, с лесами не всё так радужно, как в стране Батьки и его партизан, но и не так печально, как было бы где-нибудь в донских степях.

Задневали. Дозорным оставили Басю. Ему и его сенсорам сон не нужен. А вот мы притомились что-то. Наверное, поветрие прихватили за время марш-броска – туда, а потом оттуда. Не от многокилометрового марша же мы устали, верно? Мы же герои! А героям – не положено. Ни уставать, ни есть, ни спать, ни по нужде в кусты, ни бабу мягкую. Только

– подвиг нескончаемый. Беспощадный и бессмысленный.

На вечерней зорьке опять физкультурой заниматься. Бег с препятствиями в полной выкладке. Война! Такой вид досуга есть – не слышали? Нет? Везёт!

Кемпинг в тылу врага

«Попаданцев» не нашёл там, где ожидал найти. Но они оставили метку – на дереве смайлик угольком костровым нацарапан. Косяк! Иновременное явление. И колею гусеничную всё одно видно.

– Тут людно было, – пояснили бойцы-близнецы, включая рации. – Третий канал. Вызывает Крот. Вызывает Крот!

– Кроль слухает!

– Где терновый куст?

– Иди по дороге из желтого кирпича, и будет тебе счастье. Бойцы переглянулись, заулыбались.

– Что?

– Командир шутить изволил. Значит, полегчало ему. Связь с командованием была. Одно не пойму – как?

– Не с вашим командованием. Обратного билета нет, ребята, не надейтесь. Вы тут навсегда. А что за дорога из жёлтого кирпича?

– Мы всё время забываем, что ты все переговоры слышишь, – чертыхнулись бойцы, – на северо-запад откочевали.

– Крот, вызывает Медведь! Что за счастье?

– Более того сногшибательное. Как снег на голову.

Вот и поговори с ними!

– Кто-то на них высадился. Кто-то, кого все знают. Неужто Берия?

– Губу закатай! – огрызаюсь я. – Ага, Палычу делать больше нечего, как по тылам врага прыгать. Ага, с парашютом! Смешно. Ребята, не поверите, он тут – живой, уже не молодой, не отличается богатырским здоровьем, очень усталый, вечно перегруженный, замороченный и не выспавшийся. Поэтому злой. Нет у него времени на такой туризм. Чё гадать, айда поглядим?

Грамотно забазировались – прямо душа радуется. Молодцы! Приятно иметь дело с мастерами своего дела. А след гусеничный привел бы на мины. Я проверил. Нет, не до подрыва, конечно. И то Басе спасибо. Увидел он металл. Снял я мины. Незачем их оставлять. Там – даты. И надпись – «Сделано в СССР». Хохлы, говоришь? А незалежалым наследием ненавистного совка пользуются только так!

Я, когда увидел идущих мне навстречу людей, не поверил даже.

Кельш! Сука! Живой! Не совсем целый, но живой! Искалеченный, но раз с парашютом прыгал, значит, здоров!

Вот как значит! Чтобы и он удостоверился, что я это я. И чтобы я в паранойю не играл. Да и задачка по выводу этой толпы «попаданцев» и всех их гаджетов, особенно бронегусеничных – не из простых. Как раз по его голове задачка. Что тут греха таить – умный мужик Кельш. Не то что я. Завидую.

Открыл шлем, подошёл к нему, схватил, обнял:

– Колян Коляныч, живой!

– Раздавишь, Медведище!

– Коль-Коль, как я рад тебя видеть! – голос мой сорвался, чую, глаза – зажгло, защипало. – Нах! Подождут начальники! Коль-Коль, пока по литру не выжрем – не буду с тобой разговаривать! Ты, я вижу, осназ привёл – вот пусть он наш покой и стережёт! Коля, предохранители плавятся, понимаешь ты?! Генерал, мать твою, госбезопасности! Сука чекистская! Гэбня кровавая! Инквизиция средневековая! Я, гля, вас ненавижу! Как же я вас – ненавижу! Всех! Пойдём, нажрёмся! А? Коль-Коль, прошу! Крышку срывает! Давай ужрёмся!

Он улыбается изуродованным лицом.

– Коль, я тут такую девочку давеча встретил – она тебе карточку морды лица так отфотошопит – сам себя не узнаешь! Коль, мы долго гостайну по ветру веять будем? Твои орлы нам приват могут изобразить? Или мне опять всё самому делать?

– Вот такие дела, товарищ генерал. Не специально я. Так вот получилось. Потому и обратился в Центр.

– Как сумел взять частоты?

– От моего телохранителя, вашего человека.

– Перед смертью успел? Не поверю, что так бы растрепал.

– Вот, блин, даже не знаю, как тебе сказать, чтобы не комиссовали меня.

– Да говори уж! Я за тобой такого нагляделся – не уди-

вишь.

– Не умер он.

– Как?

– Хрен его знает! Дух его тут за мной ходил тенью отца Гамлета.

– Дух? Ходил?

– Да, ходил. Сейчас – нет. Послал его в разведку – не вернулся. Не знаю, почему.

– Не думал, что удивлюсь, но ты опять удивил. Давай ещё по одной! Вздрогнем! Витя, и когда ты утомонишься!

– Вздрогнем! Не поверишь! Самому – вот где! А на меня всё сыпет и сыпет рояли!

– Рояли?

– Ну, есть у этих, поднадзорных, такое выражение. Означает...

Через какое-то время:

– Глядь, моя женщина! Витя, ты совсем безумен!

– Ты только понял? А ты побудь в моей шкуре – посмотрю на тебя!

– А ты в мою шкуру полезешь?

– Бр-р-р! Ну её! Интриги, подлость, мерзость, предательство – и всё это хлебать ротным черпаком?

– А ты думал! А у тебя – сплошь сказка! И Дарья-искусница, и чудо-богатыри, призраки, лешие, оборотни, Кощей Бессмертный, ковер-самолёт, скатерть-самобранка, блюдечко с голубой каёмочкой.

– Надгрызанное яблоко катается, сказки показывает! Ха-ха! Реально! Айпад! А ещё ты забыл – царя-батюшку, меч-кладенец и Змея Горыныча.

– Ну-ну! Не жизнь, а сказка. А то у меня сплошная канцелярия, мышинная возня под ковром и цистерны помоев.

– Нет, ты мне зубы не заговаривай! Думаешь, я совсем пьяный? Я щас Басе прикажу – вмиг протрезвею. А ты так не можешь! Бе-е!

– Такой большой, а язык показываешь! Ну, как мне принимать план такого невоспитанного человека!

– Как принимать? Раскуривать!

– Кого?

– План!

– Тьфу на тебя!

– Кто бы о воспитании говорил! Ты мне – зачем свои слю-ни на рукав повесил? Ты же, один конец, партизан сюда под-тягиваешь?

– Не уговаривай даже! Это бред!

– Да что ты говоришь! Давай этих, потонках... постро-мках... тьфу, этих, оттуда, позовём, они тоже шарят!

– Чтобы они нас поняли, им тоже надо по семьсот пятьде-сят накатить. А у нас нет столько! И что – это им отдадим?

– Хрен им! Сами съедим!

– Тоже мне придумал! Ну, ты и фантазёр! Аэродром! Там, знаешь, какая охрана?!

– Знаю. И чё? Твои партизаны, твой осназ, хохлы жёлто-

блакитные...

– Тьфу...

– И не говори! Продолжим, наливай! Так, о чём я? А-а, вот, броня, гэрэушники, и я – как Наполеон на белом коне. Одним махом всех побивахом! Заряда токма нет ни...

– Отстань! Это бред! Иди, проспись!

– Сам иди! Сам ты бред! Пит! Я тебе не говорю о войсковой операции. Наскок! Диверсия! Мы – взяли, за нами прислали самолёты, грузимся – и адьё!

– А сколько у тебя заряда осталось?

– Три процента почти. Хватит!

– А потом?

– Суп с котом! Потом будет потом! Мне надо, чтобы весь этот головняк – улетел на Большую землю! К вам, к гэбне кровавой! Е... занимайтесь там с ними, чем хотите! Нах! Не война – проходной двор! Туда-сюда! Туда-сюда! Шлындают! И этот, с компрессией... Ё-моё! Слухай, Коль! Этот, Пяткин! Он же чё-то там мухлевал со временем! Это он, сука, виноват! Это из-за него тут такой бардак!

– Весьма вероятно. Но не гарантированно. Мы не знаем всех возможностей технологий уровня этого... как его называть, если не факт, что он – человек.

– Пришелец.

– Точно. Так что, может, он, а может, и не он. А что он там со временем делал?

– Компрессия времени.

– Компрессия времени?

– Похудеть, да? А ещё – биорегенерирующий реактор. Он меня из гнилой котлеты в молодого человека превратил. А костюм этот? Заценил?

– Заценил. И нож твой заценил.

– А плазмопушку?

– Нож-то я хоть как-то понял, а это – вообще вынос мозга, как ты говоришь.

– А теперь зацени – он мне отдал всё это, считая, что это – безопасно. Это не боевая модель! Спасательная. Ну, как мы лётчиков одеваем в лётный комбез, даём им перочинный нож – резать стропы и пистолетик – от своей тени и воробьёв отстрелиться. А теперь вспомни, чем отличается экипировка и вооружение бойцов боевых, штурмовых частей и лётчиков. И экстрапо... блин, ну, сам спрогнозируй! А?

– Я – уже. Нам им нечего противопоставить!

– И я об этом же. А ты говоришь, аэродром – бред! Сам ты бред! А чё? Всё? Кончилось? Так мало? Так быстро? Жаль. Спать? Коля, ты понимаешь, что мы больше так не посидим? Ну, потерпи, не спи! Гад, ты, Коля, хоть и генерал! Двигайся давай, разлётся!

Размышлизмы на общие темы (общечеловекам – не рекомендуется!)

Вот так, я – полковник. Полкан. Лампас на штанину, каракулевую шапку и бурку обещали пообещать по возвращении на Большую землю. Ага! И полкана я получил, ещё будучи командиром первой егерской супер-пупербригады.

А сейчас я – единственный и неповторимый патрульный времени. Без звания. И без подчиненных. Всё это стягиваемое сюда – невидимыми и неосязаемыми, но жёсткими, как тросы кранового каната, радиоуказаниями из Москвы, подчиняется Коляну Колянычу.

Думаете, плакать буду? Да я рад до мокрых штанов, что мне не надели ещё и это ярмо на шею. Я тут у них – вольноопределяющийся. Неподнадзорный. Куда хочу, туда и иду. И когда хочу. И никому и ничего не обязан. Правда, хочу и хожу я только в дозор, усиленными Басей органами чувств – сканировать округу. И по возвращении докладываю обстановку. У нас же – армия, как ни крути!

И ещё иногда читаю морали «хохлам». Придираюсь. Да у меня в голове не укладывается – что они там наворотили! Допустили во власть на Украине прозападных уродов, допустили раскол страны, начали гражданскую войну – со своими же, на Россию бочку катят, вякают. Как так получилось, что вся страна, все сорок миллионов человек сошли с ума?

Или это наглядный результат воздействия социальных технологий?

Смотри, Коля-Коля. Смотри! И доложи Хозяину! Обязательно доложи! Не только ракетами и танками надо обрабатывать, но иммунитет к этим технологиям промывки мозгов вырабатывать. Вредно держать людей под куполом благополучия. Тепличные они получились, совсем у них здравый смысл атрофировался. Блин! Да это же полный финиш! Целую страну превратить в дурдом!

И тут на глаза мне попались бойцы в пиксельных комбезах. И к «гэрэушникам» докопался – как к представителям России. Ну, не до себя же доёживаться – я же тоже с ними на одной скамье подсудимых должен сидеть. Но себя как-то... А вот до них допытаться – милое дело!

Суть моих претензий – куда смотрела Россия? Ведь я как думаю – если ребёнок сунул пальцы в розетку, то виноват не столько он, сколько его родители. Или старшие братья. Не научили, не доглядели. Вот и Украина. Как бы они ни надували щёки, какими бы важными, взрослыми и незалежалыми (или незалежными? ох уж эти деревенские наречья!) они не хотели бы себя изобразить – они – суть – дети. И именно наши, русские элиты должны были им образовывать управленческий класс, формировать внутреннюю и внешнюю политику, генерировать идеи и настроения в обществе хохлов. И далее по списку. Не сделали наши – сделали не наши. Вот и всё. Такая вот селявиха пошла. Да и всегда такая же была.

Только вот беда, Хохляндия – карикатура на Россию. И всё, что произошло в ней – то же и в России. Просто Россия – больше. Эффект масштаба. Разве у нас нет сформированных заокеанскими «партнёрами» групп влияния, постоянно оккупирующих те или иные рычаги влияния? Путём вливаний. Как нет, если даже Конституция России была написана ими и представляет собой правила поведения побеждённого народа оккупированной страны? Если у нас в законах прописано, что международные законы, суды и стандарты имеют приоритет над русскими? У нас в главном законе страны – Конституции – написано, что нас нагнуть законно имеют право по сходняку серых кардиналов тайных владык мира, по протоколу сходняка, оформленному в виде постановлений ООН, Гаагского трибунала или иных их механизмов влияния.

А разве не те же деградационные процессы у нас запущены и успешно идут во всех сферах общества – от образования до ЖКХ? Те же самые. Не Россией ли рулили ставленники врага в 90-е? Не они ли оккупировали структурообразующие сферы страны – энергетику, транспорт, образование, финансы? Не нас ли они направили на кладбище миллионными тоннами наркотиков, спиртного, канцерогенной жратвы под наше довольное чавканье? За времена с перестройки до моего переноса сюда, к Сталину, русский народ понёс потерь больше, чем за обе мировые войны. Люди умирали массово, как во время чумы – под визг телевизора.

Не поэтому ли мы так злимся на хохлов, что понимаем, хохлы – это тоже химера. Нет хохлов. Русские они. Они – это мы. Они – тоже мы. В них, в хохлах, видим, как в зеркале, то, что происходит с нами, русскими.

Не эта ли гражданская война в Донбассе показала русским, что мы так же, как и они – гонимся за химерой «западной жизни»? Не они ли, хохлы, показали нам, что не сможем мы достичь этой химеры, как невозможно дойти до радуги? Потому что это – иллюзия. Радугу создаёт солнечный свет, преломляясь в водяных парах, а иллюзию «западной жизни» нам создали СМИ, преломляясь в наших сознаниях. Заодно ломая их.

Потому что разум говорит тебе: это чушь, нереальная, невоплотимая, бредовая, недостижимая, а ты его ломаешь, говоришь – это ты, мой собственный разум и здравый смысл – не правильный. Надо изменить себя! Пойти на курсы Карнеги, менеджмента, свидетелей сайентологии или ещё какой-нибудь бредовый высер, где тебя научат, как быть счастливым, как жить в Матрице, как быть аутистом, не видя мира вокруг себя. Как жить в выдуманных мирах. Как не соприкоснуться с реальностью, находясь в реальности. Как делать деньги из воздуха – не доедая, как стать миллионером, оставшись нищим, как быть счастливым, потеряв всё. Какой ещё бред я не упомянул? А, да! Как любовь заменить на «отношения». Как детей заменить карьерным ростом в «беге на месте». Как семью заменить на «Дом-2», «Доту-2». Как

друзей заменить на «нужных людей». Как потерять Родину, став падлой – «гражданином мира», без роду, без племени. Как веру заменить на мерзость, Бога сменить в душе своей – обезьяной. Как высокие стремления к идеалу, к Богу, заместить низменными страстями – чревоугодием, конформизмом, похотью, властолюбием, садизмом, меркантильностью, снобизмом, цинизмом, расизмом, атеизмом, пофигизмом и остальными – *измами*. А это всё – сатанизм. Тёмная сторона силы – приятнее. Жить, плавая в говне и гное, – теплее, чем карабкаться в Небеса под ледяным дыханием этих высот.

А хохлы нам вдруг показали, что будет расплата за следование по этой скользкой дорожке. И какой эта расплата будет – демонстрируют весьма наглядно! Небытие. Забвение. И не только нам. Немцы, французы, чехи и другие «цивилизованные» народы вдруг начали осознавать, что их ждёт судьба филистимлян, ахейцев, обров, латинов, эллинов, кельтов.

Но нас, русских, раньше оприходуют. В первоочередном порядке. Слишком мы мешаем. Одним своим существованием – мешаем. Одним этим тихим сопротивлением, пробуксовыванием на наших просторах чужих «цивилизационных» программ – мешаем. Этой своей неистребимой тягой к коммунизму, к вечному стремлению к Идеалу, за настойчивые попытки строительства Царствия Небесного, этим непонятным Тьме ценностям – Любовь, Семья, Род, Родина, Равенство, Братство, Справедливость, Достоинство, Совесть, Верность, Аскетизм. За силу, что даёт следование путём богов –

сила воли и духа, Превозмогание боли и неудобства, за способность переступить планку возможностей человеческих, способность на подвиг, за интуитивное восприятие истины, Общинность – способность складывать надличности, когда люди объединяют свои сознания, как компьютеры складывают сеть. Появляется надличность, которую недавно стали именовать эгрегором. Надличность по силе своего разума превосходит любого из людей, стремясь в этом к недостижимому – к Богу. Надличность легко решает задачи, людям непостижимые. А у нас такие «коллективные» отношения складываются легко, полуавтоматически. И это не может не бесить наших недругов.

За способность выставить из своих рядов князя Пожарского, товарища Сталина, товарища Путина. За способность вырастить, воспитать и выставить в критический момент, на шквальный огонь, на ненависть миллиардов – личность, которая повернёт колесо истории.

Как только удастся противникам рода человеческого устранить эти непонятные им препятствия, как только исчезнут русские, отформатированные бывшие русские потеряют способность пользоваться силами пути богов – так наступит песец и остальным народам. Не будет больше «западного образа жизни». Будут стада бессловесных, бесправных и бестолковых рабов. И владыки. Никаких больше иллюзий – свобода, равноправие, права, неприкосновенность, остальная чушь – забыли, забыли. Безграничная власть отдельных

индивидуумов и бесправная масса быдла. Толпо-элитарная модель называется.

Как вам такой мир? Вы – за? Думаете, сможете оказаться в реденьком рядочке владык? Если вы сейчас не в их рядах – там вам не бывать.

Путин, видимо, понял это. Или знал, но прикидывался, что ведётся. Ну, верно! Он же дзюдо увлекается. А это не только борьба. Это образ мышления. Как там писал один китаец: «Война – путь обмана». Что говоришь? Все на Западе охудели от нашей резко изменившейся обороноспособности? На... их товарищ Путин? У него был хороший учитель. Немец тоже похудел, когда встретил КВ-1 и Т-34, взбледнул, когда тракторные заводы резко стали – танковыми и шлёпают по полку танков в день! Когда с голой степи Северного Казахстана стали полками взлетать неокрашенные даже Ил-2. Прямо с поля. Стен цехов не успели возвести. А фундаменты под станки и линии коммуникаций были подведены, протянуты нитки жэдэ- и электроэнергии. Наикали? А вы как хотели?

А ты что подслушиваешь, Коля-Коля? Контролишь, насколько я продвинулся в своём развитии-деградации? Ты же и был тем шустриком-умником, что развёл меня на признание в «попаданстве»! Докладную писать будешь? Тебе продиктовать, а то напутаешь чего? А Палыч с Хозяином чего не так поймут, телодвижения начнутся избыточные.

Я вздохнул. Блин, зарекался же я не пить! С похмелья ме-

ня постоянно тянет к размышлизмам на общие, отвлечённые темы.

Насчёт избыточных телодвижений я, пожалуй, махнул! Не будет телодвижений. А вот докладную прочтут. Обязательно. Не для просвещения – они-то как раз всё это прекрасно знают и понимают. Для контроля над нами – мы-то, с Коля-Коля, понимаем? Правильные ли выводы делаем? Допускать нас до следующих глубин (вершин) познания или рановато? А то чердак-то у нас – отъедет. Сорвёт башню. А это – недопустимо, потому что – нецелевое расходование ценного управленческого ресурса, потеря его, ресурса, эксплуатационных характеристик.

Ха-ха, а как же Хрущ? Он не «догнал» или сдал? Он – тупой или трус? А монументальный Бровеносец? Он по недомыслию резал будущее собственного народа, или была такая необходимость? Зачем он (ну, не столько сам, сколько его мумифицированные товарищи) душил духовное развитие свежеиспечённого советского человека?

Ещё раз убеждаюсь в величии дедушки Ёси, но опять недоумеваю, а почему потом пшик? Почему после него по наклонной? Если это было сделано умышленно, недруги подсустились – почему не предпринял мер упреждения? Где плеяда преемников? Почему после него – танцы с бубнами? Каргокульт какой-то. Люди повторяют то же, что делал ты, как ритуал, не понимая сути происходящего, недоумевая – почему не работает? Почему?

Почему Путин, «работая Сталиным», до ужаса боится даже сам себе в этом признаться? Почему не случилось «Сталина» в 80-е, в 90-е?

Нах! Нах! Нах! Куда меня занесло! Башка лопаться начала!

Колян, ты мне объяснишь? А-а, раз глаза выпучил, то не надо! Сам как-нибудь. Позже. Наверное. В следующей жизни. Когда я стану кошкой... Да-дам, та-дам!

И я пошёл, насвистывая эту песенку, из которой знал только кусок мотива и эту строчку:

Наверно, в следующей жизни,
когда я стану кошкой...

Три закона робототехники. Или трудности перевода

Меня остановили Лёлик и Болик. Лица хитрые. Что-то задумали. Пакость, наверное.

– Чё?

– Товарищ полковник, разрешите обратиться!

– Ну, попробуй! Лимончику съешьте.

Улыбки сползли, но обратно полезли:

– А ваш костюм может только мимикрировать или ещё и трансформироваться?

– Бася? – мысленно апеллировал я. Выслушав бортовой интеллект, спросил: – А что?

– Есть такой колоритный персонаж, Дарт Вейдер...

Я рассмеялся. Ну, Бася, справимся? Слушай, ты уже достал с этими процентами!

Комплекс почернел, шлем наполз на голову, лицевой щиток забрала стал менять конфигурацию, а нижняя часть шлема стала отпускать полосу каски. Небольшие перенастройки голосового модулятора, и вот по поляне разнёслось хриплое дыхание и сдавленный тяжёлый голос:

– Глюк, я твой отец! Прими же тёмную сторону Силы! И я тебя познакомлю с Палычем.

Ржач стоял такой, что дозорные с постов прибежали с автоматами на боевом взводе, все местные повывлетали в испу-

ге из своих нор, а «попаданцы» – катались по земле, с разинутыми ртами, держась за животы. Под звуки главной темы киносаги – марша, который фоновно сопровождал появление Дарта Вейдера в фильме, а теперь воспроизводился Басей через звуковые репродукторы комплекса.

Бася не только сумел как-то дистанционно скопировать все данные со всех носителей, что были у «попаданцев», но и уже часть из них обработал. Фильмы серии «Звёздных войн» там были.

Кстати, это ещё одно открытие способностей комплекса и его прошивки. Да-да, вот так я вынужден «подглядывать» и постоянно «обманывать» Басю. Он, наконец, перевёл мне один из наиболее часто выскакивающих «иероглифов» – «нет допуска, информация закрыта для пользователя». Этот иероглиф так же часто выскакивал, что уже набил оскомину, как и ставший мемом «404 not found». Стоит мне спросить Басю, например, как работает плазмоган: «нет допуска, информация закрыта для пользователя». Как он дистанционно забирает заряд с аккумуляторов всего в округе, а потом, по моему требованию, вернул заряд в бронетехнику? Опять: «нет допуска, информация закрыта для пользователя». Почему ты так отвечаешь? А в ответ опять: «нет допуска, информация закрыта для пользователя». Почему закрыта? Ну, как я и ожидал, ответ тот же.

Остается только догадываться.

И вспомнить законы робототехники Азимова, напомнить

самому себе, что это – железяка, и она не умеет обходить собственные программные барьеры, потому будем обманывать его кремниевый (или какой у него там) мозг, играя на противоречиях этих, кстати, неизвестных законов, потому что: «нет допуска, информация закрыта для пользователя». Но, исходя из того, что мою просьбу по решению проблемы боевых визуальных режимов вне шлема он выполнил, то сохранение моей хрупкой тушки в эти законы входит.

Судя по тому, что говорил сам Пяткин. Что он там говорил? Да то же: «Не положено!» Так что думаю, это ограничение – по информации, которая, по мнению Пяткина и Баси, превышает по уровню текущее состояние НТП. Может, и не так, но, Бася, я прав?

– Нет допуска, информация закрыта для пользователя.

– Бася, а можно я тебя обману?

– Нет допуска, информация закрыта для пользователя.

– Бася, в огнёмёт можно залить обычную смесь соляры и бензина?

– Нет.

– Почему?

– Нужен стабилизатор.

Ага! Шаг вперёд! Такой маленький шаг для Баси, но такой большой шаг для человечества.

– Что за стабилизатор? Не-не, не надо мне лекцию. Формулу давай. Не надо мне про допуски! Сказал: «А», говори и «Б»!

– Нет допуска, информация закрыта для пользователя.

– Мыльный раствор? Керосин? Мне известно это вещество?

– Да.

– Мне самому вспоминать химическую формулу, или ты мне поможешь?

– Производится поиск в памяти пользователя и данных носителей. Поиск завершён.

Вот оно! Лазейка! Есть способ! Он мне напрямую – ничего не скажет, но если ему предлагать варианты – не откажет. Методом исключения работать долго, но всё одно – лучше так, чем перебирать варианты самому. Вслепую, в пробирках. Только что я сэкономил много человеко-часов и тонны реактивов. «Мне известно это вещество?» Ха-ха! Конечно известно! Химических элементов во вселенной – ограниченное и весьма небольшое количество, их соединений – тоже, в принципе. И почти все они нам известны. Ту формулу, что мне выдал Бася – я не знаю, я же – не химик, а экономист – читай – балабол. Но эта хрень встречается мне в каких-то обычных вещах. Как говорится, есть контакт!

Поехали дальше:

– Бася, инструментальная сталь пойдёт для шариков в рельсомёт?

– Нет.

– Расплавится? А тугоплавкая сталь?

– Нет.

– А что? Вольфрамовый сплав?

– Нет.

– Вот ты гад! Дело не в температуре? А в чём?

– Потеря баллистики.

– Тьфу на тебя! Вот ты заморочил! Пересчитаешь баллистику! Мне дальше видимости не стрелять. Тут не космические масштабы. Вон, даже «винторез» – снайперская винтовка, а дальность – всего четыре сотни шагов. Вот на этот предел и надо ориентироваться. Понял, чугунная твоя башка? Так пойдёт инструментальная сталь? А сталь-три? А чем зарядить тебе батарейку?

Так, беседуя с бортовым калькулятором, дошёл до палатки нашего партизанского лазарета.

Меж двух вывороченных какой-то неведомой силой деревьев был натянут парашютный шёлк, образуя белую палатку лазарета, а сверху это всё белое, демаскирующее безобразие было накрыто маскировочной сетью. Ага, красный крест забыли. Может, на немцев найдёт помутнение рассудков, и они не станут бомбить по красным крестам?

В лазарете не людно. Только трое – командир гэрэушников, один из хохлов, что умудрился схватить пулю при разгроме карателей, не будучи на линии огня, находясь глубоко в резерве, и осназовец, что неудачно приземлился на дерево, разбив себе лицо и сломав рёбра. Доктор тоже здесь. Коля-Коля решил его и его «партизана» оставить под нашей «охраной». Паранойя – заразна. Мутные они. Могут быть

«многостаночниками». И нашим, и вашим. Точнее – и нашим, и – ихним, не нашим.

– Как самочувствие, бойцы? – спросил я, откинув парашютный шёлк.

Блин, я не вышел из образа Тёмного Паладина! Вытаращенные в немом крике глаза, сведённое судорогой лицо, обе руки держат шов на животе – так меня встретил Бредень. Смешно ему, аж швы расходятся.

– Чуть не убил меня, товарищ полковник! Ну нельзя же так, без предупреждения! – задыхаясь, сипел он, вытирая слёзы.

Взял медблок, лежащий у Бредня под надувной подушкой.

– Предусмотрительно, – это я про подушку.

– А то! К полевой жизни – привычные.

– Ну, что думаешь?

– А что тут думать? Тут мечты тайные грозятся исполниться! Что тут думать!

– Вот даже как? А как же семья? Жизнь? Там.

– Да с семьёй как-то не задалось. Двоих сделал трём женам, но к моей кочевой жизни они так и не смогли привыкнуть, – он поморщился. – А я не привык делить жён с другими.

Меж тем Бася перевёл мне данные с медблока по состоянию Бредня. В целом – всё в норме. Жить будет.

– А ты? – спросил я у парня, что был из людей Сугроба.

Он отвёл глаза.

– Я не знаю, – ответил он, помолчав. – Я как бы и за коммуняк не сильно горю желанием, но вот к немцам – точно ни ногой! У меня прабабку сожгли на глазах бабушки. А потом её в Германию увезли. Она не говорила, но я догадался, что насиловали там её «хозяева». Потому и не осталась в Германии, хотя возможность была.

– Бывает. Ты не спеши с выводами. Ты к «коммунякам» когда приглядишься – поймёшь, что дурили вас долго и основательно. Не моё мнение, а такого же попаданца, как и вы. Да и дело не в партии. И не в Сталине. Родина в опасности. Вопрос стоит не в цвете партбилета, а в выживании народа нашего. Тут русских и хохлов – не разделяют. Не больше, чем уральских и рязанских, например. Ну, сам всё увидишь. Если фатальную глупость не совершишь.

– Командир? – спросил меня Бредень. – Ты разговариваешь, как человек из нашего времени. Всеми оборотами, мемами, приколами владеешь. Всей нашей субкультурой. Ты тоже попаданец?

– С кем поведёшься, от того и заболеешь, – пожал плечами я. Щаз-з! Прямо и расколюсь тебе! Ага! Ты не Коль-Коль!

Я приказал шлему убраться с моей головы, глядя в глаза Бредню, прямо спросил:

– Ты готов к работе? Или полечишься?

Держась за живот, он встал, как смог, вытянулся:

– Готов к труду и обороне!

– И это похвально. Тады одевайся. Тут нам выбросили комплекты местной униформы. Одевайся и пошли.

– Да мне уже принесли. Мы вот тут и гадаем – откуда камуфляж и разгрузки? И местный спец – молчит как рыба об лёд.

– Покажи. А, это!... Это вам скинули новую экипировку егерей.

– Егерей? Не слышал про таких.

– Тут многое пошло не так, как должно. Не по канону. И всё из-за одного заблудного, с пятками младенца, сука!

Осталось проверить ещё одного подопечного. Молчаливого, но крикливого. Младенца. Выжил. И в этом Лёлику и Болику спасибо. Ну, как я мог даже подумать, что эти два качка будут таскать в своих рюкзаках сухую смесь детского питания? Оказалось – для качков это как дешёвый аналог протеиновых добавок. Тем более что именно эту смесь им вообще бесплатно доставили российские гуманитарные конвои. Вот так вот белые КамАЗы спасли жизнь маленькому человечку. Назвали его Иваном. Отчество присвоили – Викторович. А фамилию записали – Путин. Пусть будет. Не всё ли равно?

Совет в Филях

Наше присутствие не осталось незамеченным противником. Ещё бы – сотня вооруженных человек, концентрация партизанских отрядов, разгром всех окружающих гарнизонов, повальное бегство полицаяев со всей округи, пропажа уже трёх отрядов карателей, постоянный радиообмен с востоком, десятки пролётов самолётов. Как подобное не заметить?

И противник заметил, начал реагировать. Посланные им для прояснения ситуации отряды карателей были вовремя замечены и уничтожены. Про это я уже упоминал. После этого полицаи – предатели с повязками на руках – ударились в бегство из сёл и деревень. А гарнизоны городов встали на осадное положение. Всякое транспортное сообщение в округе было прекращено подрывами и поджогами мостов и летучими отрядами диверсантов стягивающихся сюда партизан.

Немцы прислали на разведку самолёт. Биплан. Двухуровневые крылья – допотопщина! Его легко сбили наводчики нашей бронетехники из своих башенных пулемётов. Тела пилота и его пассажира-наблюдателя – нашли. И стали богаче на карту. Со всеми обозначениями. И на пистолетики стервятников.

Вокруг пистолетов разгорелся ажиотаж попаданцев.

– Полегче, ребята, – осадил я их. – Вы тут надолго. Навсе-

гда – это надолго. Пока смерть не разлучит нас. Будут вам и вальтеры с парабеллумами, железные кресты и ножи гитлерюгендов. Это там, в вашем больном будущем, это – ценность. Тут это – мусор. Будет и ещё стервятник. Трофеи отдайте башнёрам, что ссадили самолёт с неба. Следующего будете ждать? Трофеи – победителю.

Да, будет и следующий самолёт. Немец же должен понять – что тут происходит? Почему у их противника, то есть у нас, тут такой ажиотаж? С высадкой десанта, с зачисткой гарнизонов, блокированием всякой связи и сообщения. А послать авиаразведку для них – шаблон. Потом что? Будет немец запрашивать ближайшую охранную дивизию. Или просить из резерва войск? Ну, меньшему количеству мы не дадимся. Без средств усиления, пушек, танков, авиапрессинга – нас не возьмёшь! У нас уже до батальона осназа. И ещё ночью подсыпят. А партизаны блокируют округу, накапливаясь на дальних рубежах. Ну как дальних? В пределах одного-двух переходов от нас.

Не, я не такой умный, что немца просчитал. Зачем? У нас же есть образец их стандартного тактического соображения – Вилли. Ему я задал вопрос – что бы ты делал, если бы... Он и стал размышлять. Коль-Коль и командир воздушно-десантного полка особого назначения НКВД кивали. Шаблон.

Вопрос был только – как долго немецкое командование будет репу чесать и насколько быстро получит в своё распоряжение подкрепление и части усиления.

– Думаю, не долго. За мной летел генерал... – сказал Вилли.

Ну, мне эта немецкая фамилия ничего не сказала, как и большинству присутствующих, а вот Коль-Коль возбудился.

– Что это ты стойку делаешь, а, товарищ генерал? – искренне удивился я.

– Ты не знаешь, кто это?

– Геринг? Геббельс? Гесс? Что-то нацики на «Г» больше не вспоминаются. Неужто сам бесноватый? – удивился я.

– Один из руководителей Аненербе.

– Будем брать? – сразу встрепнулся Бредень. – Или просто мочить?

– Неплохо бы. Но не пробьёмся. А что? Это мысль! Нужны смертники. А, подожди, сейчас же их – добровольцами называют. Надо изобразить атаку на эту оккультную шишку. С поддержкой дальнемагистральных бомбовозов. Та-ак, дальнейшее твоих германских ушей не касается. Вилли, свали в туман!

Когда лишних отогнали за пределы штабного периметра, я растянул трофейную карту.

– Так, вернёмся к делам нашим скорбным. Пока мы немцу не по зубам. Пока. Но нашему командованию не удастся сюда перебросить всю Красную Армию. Это невозможно. И танков нам не привезут. Единственное, я слышал, что есть транспорты, способные перевозить лёгкий внедорожник, типа «козлика» или пушку ЗиС-3. А это уже тонна веса. Есть

такие? Есть. Уже хорошо. Не спрашиваю – сколько, боюсь расстроиться. Плакать буду. А вот про возможность перевозки бронетехники даже не спрашиваю – даже «Единорога» не сможете перевезти. Так?

– Не совсем. Есть проекты...

– Уже неплохо. Эти проекты надо поднять и потрясти. Поясню, к чему я это всё. Через линию фронта нам пробиться не дадут. Противник не тупее Вилли. Они быстро приставят тот самый палец к носу и сообразят, что чудовищный взрыв недалече, провал операции «Курьер», «майор Медведь», странные люди со странным оружием и странными танками – звенья одной цепи. И если для «майора Медведя» они не пожалели танковой дивизии СС, то для Медведя с Кокка-Колой, это я про тебя, товарищ генерал, они не пожалеют и всей танковой армии, вместе с Гудерианом, фон Боком и Манштейном – в придачу. Так что ножками мы отсюда не уйдём. Остаётся методом Винни Пуха, прикинуться тучкой – и улететь. Потому, Коль-Коль, связывайся с Центром, как хотите, крутите, но надо просчитать все ритмы, всё синхронизировать, брать эту взлётно-посадочную полосу, сажать на неё транспорты, планеры или что там у вас имеется – и улетать.

– Не существует сейчас транспорта, способного поднять боевую машину десанта! Ещё лет двадцать не будет, – покачал головой Сугроб.

– Будем разбирать на составляющие. Всё, что возможно

снять – снимем. Остальное – взорвём. Такой мой вариант выхода из этой жопы. Готов выслушать другие.

– Всех вывезти не удастся.

– Ясен пень! У нас всегда есть и будут добровольцы-смертники, что останутся. На верную смерть. Главное – обеспечить эвакуацию этих, мать его, гостинцев! Гля! Свалились тут! Что вам за Уралом-то не упасть-то! Один же перенёсся себе удачно в центре Черноземья, нет, этим надо тут, в Донбассе! А мы теперь проворачивай операцию вселенского масштаба! Мать его за ногу! Об угол стола! Раком! Как специально! А если бы не я, а друзья Вилли на вас наткнулись, а, незалежанцы? Через год бы все панцергренадерские дивизии были вооружены БМД и «калашами»? Про БТР я и не говорю – с этим они и сами справляются. А как они обрадуются вашим гаджетам? Вот гадское же слово! Они в сорок четвертом – сорок пятом по пиндосовским летающим крепостям лупили зенитными управляемыми ракетами с радиоуправлением и тепловыми головками самонаведения. А с вашими «подсказками»?

Сугроб вскочил, лицо багровое, хоть прикуривай от него:

– Это мы виноваты? Мы имели возможность выбора места?

– Витя, остынь, – тихо приказал Кельш, – не их вина тут. А наше везение. Твоё везение. Прав был Лаврентий...

– В рот того везение! В рот... – заорал я.

– Встать! – заревел генерал. Сразу пропал милейший

Коль-Коль. А в полный рост проявился генерал госбезопасности. – Молчать! Пшёл вон! Пока не успокоишься – не возвращайся!

– Ах ты! Меня?! Послал! Слышь, ты чё такой дерзкий, а? Да кто ты такой, а? Генерал, гля! Развелось тут генералов – плюнуть некуда! Да сам ты пошёл!

Я вылетел из шатровидного штаба. В гнев закрутился на месте, выискивая жертву, – на кого излить своё негодование? Громозека, где ты есть? Душара, падла, предатель! Как же мне тяжело без наших с тобой мордобоев!

Ага! Кто не спрятался – я не виноват! А не спрятались двое из ларца – Лёлик и Болик. Как специально, стоят, ждут.

– Потанцуем? – рывкнул я на них, давая команду Басе на полную дезактивацию комплекса. Костюм максимально втянул себя в наспинный короб-рюкзак.

Качки переглянулись, похрустели шейными позвонками, качая головой, похрустели кулаками, встали в стойки.

– Понеслось! – рывкнул я.

Несколько минут мы месились, как злейшие враги – никаких спортивных правил! Боевой рукопашный бой! Летали по поляне по очереди, вспахивали своими телами осеннюю лесную почву. Но ничья. Даже по очкам. Не смог я их одолеть, даже несмотря на «модернизацию» моего тела пришельцем.

Кстати, модернизации той осталось – к половине подходит.

Бой остановил я, подняв руки в знаке «стоп», потом по-

клонился, как принято на Дальнем Востоке, и улыбнулся:

– Молодцы. Быстрые, ловкие, сильные.

Ага! А у самого сердце радостно прыгает до горла – я выдержал бой сразу с двумя бойцами весьма высокого уровня! Всё же неплохо Громозека меня поднатаскал! Земной поклон ему, когда вернётся.

– Так не честно! – заявляет один близнец.

– Ты системы твоего костюма Железного Человека отключил, – продолжает мысль второй.

– А нам было интересно – что может эта штука, – завершает предложение первый.

Они разговаривают, продолжая мысль друг друга. Как будто у них один мозг на двоих. Вот это синхронизация! И они даже не братья!

– А вот с включенным костюмом будет как раз не честно. Благодарю за бой, но этого мало. Хочу крови. Есть добровольцы снизить поголовье двуногого скота в фельдграу?

– Есть!

– И я тоже! А какое оружие можно брать? «Печенег» – можно?

– А СВД? «Весло»?

– А «винторез»?

– «Печенег» – на 7,62 на 54? И СВД. Заряжайте патронами, что нам ссадили с неба – и вперёд! Кто привык к «калашам» – сочувствую, предлагаю ППС или новый АКС-42. Образец опытный, совсем сырой. Может капризничать. ППС

– штука надёжная, но только для ближнего боя. Уверенное поражение – пятьдесят метров.

Я вертел в руках оружие, расхваливая, проводя вводный инструктаж, в немалой степени гордый собой. Я – есть причина удивления попаданцев. Я приложил руку и язык к появлению этих образцов стрелкового оружия. Я. Яколкин! А судя по тому, что нам его скидывали в тюках с самолётов – сюда, в тыл врага, – оружие это было уже массовым, совсем не секретным. Ну, ППС – понятно, он ещё весной пошёл в тираж, а вот автомат Симонова... Удивили меня мои московские руководители расторопностью.

Ага, на наш галдёж вывалили и товарищи командиры, тоже включившись в любимую мальчиковую игру – в «автоматики». Даже Коль-Коль с интересом разглядывал АКС-42, хотя он и курировал его разработку. На начальном этапе. Пока «не выбыл по болезни».

– Ну, Николай Николаевич, как получилось? То, что задумывалось?

Кельш ловко разобрал АКС, собрал. Потом попросил АКМ, провел те же манипуляции.

– Нет. Всё же – «калаш» не заменит.

– Всему свой срок, – усмехнулся я, – теперь у нас есть натурные образцы. Подключим Симонова, Дегтярёва, Токарева, Горюнова, Шпагина, остальных оружейников, покажем, объявим конкурс. Не ждать же нам, пока будущий великий Калашников в танчики наиграется?

Люди вокруг нас с интересом прислушивались. Пусть послушают. Полезно это для дела.

Мы же, русские, такой народ, что ценим и любим шкурный интерес. Любим сладко пожрать, крепко поспать, бабю ласковую и податливую, дурмана водочного потребить до непотребства.

Но, как только почуяли, что стали причастны к чему-то глобальному, эпохальному – забываем и покой, и сон! Горы можем голыми руками свернуть ради высокой, недостижимой цели. И чем выше и эпохальнее цель – тем больше горит душа. Такая вот ёжнутая особенность нашего рода. Нам нужны недостижимые цели, чтобы оставаться людьми. Без «строительства» очередного «светлого будущего» или очередного «Царствия Небесного на земле» превращаемся в двуногий скот, жрущий, гадящий и абсолютно равнодушный ко всему. Причём если цель – достижима, ясен путь к её достижению, видны и преодолимы трудности – не интересно. Даже пальцем не пошевелим. Воевать – так с потрясателем Вселенной, воровать – так миллион, икать – так королеву! Иначе – пусть другие потеют ради чепухи. Чурки и немцы разные. Нам – рай на Земле подавай, Луну на блюдечке, яблони на Марсе. Дурак Бровеносец, что объявил социализм почти достроенным, что в 1980 году – он, коммунизм, и наступит! Сразу руки и опустили. Массовое пьянство народа в 80-е годы я помню хорошо.

– Слушайте, отцы-командиры, – обратился я к Бредню и

Сугробу, отведя их за локотки в сторону, – расскажите мне, наконец, что там у вас произошло? Как народ реагировал?

Они рассказывали, Бася вёл запись, протокольную. Ну, понятно, «майдан» – народная хохлятская забава. Путч, смещение довольно слабого, нерешительного, вороватого президента, стрельба на улицах, погромы в столице и других городах. Несогласие восточных областей Украины, неповиновение, референдум в Крыму, отделение Крыма, присоединение Крыма к России, народное ликование в России, блокада России всем «цивилизованным» миром. Лепка из Путина «кровавого диктатора» Западом и лепка из Путина «Сталина» – нашими.

Ликование. Народ радуется возможности пободаться с Америкой и его шавками? А я о чём говорю? Нам нужны недостижимые цели. Нам нужен Потрясатель Вселенной. Нам нужен Сатана. Как враг.

– А Донбасс при чём?

– Донбасс и Луганск – тоже провели референдум, но Россия не приняла их, – ответил Сугроб.

– Много ты понимаешь, – отвел глаза Бредень. – Дымыч, подь до мини!

Подбежал один из бойцов Бредня. Обычный, ничем не примечательный, в отличие от «братцев-кроликов» Лёлика и Болика. Средних лет, среднего телосложения, непримечательное лицо.

– Расскажи, как у вас война началась.

– Мутно и погано, – ответил Дымыч и сплюнул себе меж ног, – после референдума город окружили блокпостами нацгвардия. Нарики и отморозки. Нацистские флаги развесили, наркотой обдолбятся, задираются до всех. Мы на них – плевали. Первый раз, что ли? Жили, как и раньше. Работали. Жили. А потом люди стали пропадать. Девки молодые. Дети. В городе – тихий ужас. А потом их стали находить. В посадках да в оврагах. Девки – замучены, насильничаны, забиты до смерти. А дети... Дети... У меня дочь с танцевалки не пришла. Я с ума сходил, по городу метался, искал. Нашли ещё в овраге. Живот – вскрыт, органов – нет.

У меня лица поплыли перед глазами, я схватился за плечо Сугроба, чтобы не упасть.

– Семью посадил в машину, отправил в Ростов, сам свою «Сайгу» взял и на блокпост. И не я один. Этим скотам деньги нужны на ширялово, – доносился до меня голос издалека, как сквозь вату.

Бася доложил о вмешательстве в моё тело, введение чего-то там, стало легче, я смог вздохнуть, сердце – снова пошло в ритме.

– А на блокпостах – уже никого. Сбежали, как толпы мужиков с топорами увидали. А потом они по городу «Градами» ударили. Так и началась эта война.

У меня не было ни слов, ни эмоций. Только ледяная ярость.

– Товарищ генерал, сводный отряд выступает в отвлекаю-

щую диверсию. Возражения не принимаются. Нам нужна от вас взрывчатка и сапёры.

Коль-Коль посмотрел мне в глаза. Потом заглянул за мою спину, увидел Дымыча, поджал губы разочарованно (уже в курсе событий с Дымычем? Шустёр!). Кивнул:

– Удачи.

– Нам она не потребуется. Добровольцы-смертники – строиться. Выступаем. Запевай!

Один затянул, ещё пара голосов подхватила, потом ещё и ещё:

Звездопад да рокот зарниц.
Грозы седлают коней,
Но над землей тихо льется покой
Монастырей.
А поверх седых облаков
Синь – соколиная высь.
Здесь, под покровом небес
Мы родились!

Круто, когда строй, пусть не большой, два десятка человек, но хором! А я не слышал такую песню. Бася, а ты? Да ты что? «Алиса»? Вот я отсталый!

Строй грянул хором:

Нас точит семя орды,
Нас гнет ярмо басурман,

Но в наших венах кипит
Небо славян.
И от чудских берегов
До ледяной Колымы —
Все это наша земля!
Все это мы!
За бугром куют топоры,
Буйные головы сечь,
Но инородцам кольчугой звенит
Русская речь.
И от перелеска до звезд
Высится Белая рать.
Здесь, на родной стороне,
Нам помирать.
Нас точит семя орды,
Нас гнет ярмо басурман,
Но в наших венах кипит
Небо славян.
И от чудских берегов
До ледяной Колымы —
Все это наша земля!
Все это мы!

Думаете, я вспыльчивый мальчик, которому кипящая моча в головушибанула и он полетел искать приключений? Да, я — в состоянии истерики с момента, как встретил этих хроно-«зайцев». Но не позволяю истерике руководить мной. Истерика проявляется только в повышенной смехуёвовщине.

В излишней возбуждённости и болтливости. Но руководит мной расчёт. Эта операция давно напрашивалась, но сложноисполнимо.

Дело в том, что рано или поздно (лучше поздно, затем и идём) противник вынужден будет применять против нас средства усиления – танки и пушки. А где они сейчас, эти средства? На востоке, на фронте, или на западе – на заводах. И перевезти их к нам поближе можно только железной дорогой. Ближайшая станция – вот она. А вот и уязвимое место – мост. Прервать транспортное сообщение противника – первейшая необходимость в войне. Ясен пень, что враг догадывается о ценности моста. Ясен пень, что охрана этого стратегического объекта усилена. Потому он и стоит до сих пор. Ни один партизанский отряд к нему не рискует подступиться. Людей положишь – а мост не взорвёшь.

Да-да, а я вот такой наглец, что решил, что смогу. Ведь сколько нас – трое... тьфу! Ну, д'Артаньян я, что ж теперь?

Небольшая группа, мобильная, хорошо вооружённая. Брал только «стреляных воробьёв». Есть шанс.

Гэрэушники. Ха-ха. Как они меня развели! А я и повёлся! ГРУ! Для меня может быть только одно ГРУ – Главное Разведывательное Управление Генерального Штаба Вооружённых Сил Российской Федерации. А для Коль-Коль – совсем всё иначе. И он вывел этих «гэрэушников» на чистую воду. Никакое они не ГРУ. Это разведывательно-диверсионный отряд Донецкой Республики. А их ГРУ не более чем

самоназвание. Понты ребята колотят. Те четверо, что представились «гэрэушниками», – воюют с первых дней. Только четверо и остались из первоначального состава. Они прорывались из какого-то окружения у какого-то Славянска. Вышли на бойцов ополчения ДНР. И ляпнул Манок, шуткой про ГРУ. Шутка затянулась.

Сам дурак! Ну какие Лёлик и Болик спецы ГРУ? С такой комплекцией? Размер бицепса на скорость полёта пули не влияет. Потому спецы все, как Путин – мелкие живчики.

Со мной в рейд вызвались и два «хохла». Непонятно, зачем? А я не люблю непонятки. Дое... докопаться до них надо!

– А вы зачем вызвались? – деликатно, прямо в лоб, поинтересовался я.

Хохлов двое. Один – обычный парень, белесый, как белорус, взгляд твёрдый, губы тонкие. Сейчас улыбнулся:

– Тут мечта детства вдруг исполнилась. Я из нашего дурдома вдруг оказался в кино «про немцев». Как у Симонова или Бондарева. Кто не мечтал бить немцев своими руками?

– Там могут быть не только немцы. Могут быть совсем не немцы.

Губы парня сжались:

– Пох! Надоело уже – непонятно, кто свои, а кто чужие. Кто прав, а кто козёл?! Тут ясно – тут наши, там – не наши! Наши – со свастиками, террористы-сепаратисты – с красными флагами и георгиевскими лентами. Вот где, командир,

веришь?! – Он слова свои закончил криком, рубанув себе по горлу ребром ладони.

– Верю, – спокойно ответил я. И повернулся ко второму.

Этот более сложный персонаж. Если первый парень простой и понятный, как червонец, то с этим сложнее. Бородатый. Может, я ошибаюсь, но это многое значит. Борода ведь не стильная. Не модная. Не в угоду моде отрошенная. Мне, например, ясно, что этот чувачок – работник умственного труда. Не офисный планктон, а именно думающий. Но оторванный от реальности – капитально. Эти двое – полные противоположности.

– Я не знаю, – пожал плечами бородатый, – просто считаю, что это правильно.

– Кем работал до призыва?

– Сисадмин.

– Что ты с ними делал?

– С чем?

– С сисями?

Бородач разинул рот.

– Нет, они тут ни при чём. Я – программист. Следил, чтобы компьютеры работали.

– Понятно. А стрелять ты учился в Конторе?

– Нет. В армии. И ещё мы по выходным страйком занимались. Разрешите вопрос, товарищ командир?

Ну вот. Угадал. Такие вот, как этот, становятся хорошими комиссарами. Если их вовремя не пристрелить.

– Нет, – ответил я. Хотя более чем уверен, что всё одно спросит. Он ведь для этого и пошёл с нами. Я его интересую. Именно я.

– За что вы ненавидите хохлов?

– Ну, ты и чёрт, Борода! – усмехнулся я. – Привал! Давай выясним. Ты сам вызвался, или тебя делегировали? Сам? Понятно.

Дело вот в чём. Такие вот типы, как этот, становятся мучениками, ботанами травлеными или душой компании. Не лидерами, а именно душой. Поэтому придётся мне ему отвечать. Он, гля, олицетворение, сука, эгрегора. Говоря с ним, говоришь как бы сразу с большей частью этих попаданцев, вырванных из привычной среды обитания, оказавшихся в небывалом стрессе, привычно и незаметно для самих себя сложивших эту надличность, а Борода так же привычно стал «управлять сетью». Осознаёт он это? Нет. Так вот у него с рождения повелось. Эмпатия развита.

Что им сказать? Как сказать?

– Как я говорил, вы у меня не первые из будущего. Первого я встретил тоже в тылу врага и вёл его к своим. Долго, болотами, окольными звериными тропами. Потому много пообщались.

– Довёл?

– Нет. Когда линию фронта переходили, нас с ним минами накрыли. Я его добил, чтоб не мучился. Не, не смотрите так – там без шансов было – кишки повылезали, ноги ото-

рвало. Меня и самого так приглубило, что полгода по госпиталям помирал. Так что было время подумать над нашими с ним разговорами. И как раз тема распада Союза и последующая судьба народов Союза меня нехило интересовала. У меня есть родные и на Украине...

– В Украине.

– Нет, дорогой, именно «на Украине». Мне не веришь – Гоголю поверь, – он хохол. Не отвлекай – сам запутаюсь. Так о чем я? А, не важно! Я вот чего хохлам простить не могу. В общем, начну с того, что я экономист. До войны был. А это не специальность. Это диагноз. Так вот, как экономист, я сопоставил Россию и Украину на старте – на момент распада Союза. По нескольким ключевым для экономики стран пунктам:

Первое. Финансы. Обе страны начинали с нуля. Хотя нет. Россия – признала за собой долги Союза. То есть начинала с огромного минуса.

Второе. Промышленность. Сопоставимо. Хотя Украина и чуть вырывалась вперёд из-за следующих дальше пунктов.

Третье. Территория и климат. Надо ли пояснять, у кого были преимущества по компактности территорий, равномерности распределения населения, мягкости климата, меньшего транспортного плеча меж ресурсами и местами их переработки? Большая часть России – территория рискованного земледелия. А половина вообще непригодна для жизни – зима семьдесят пять процентов времени года. Ресурсы

в вечной мерзлоте закопаны. Откопай их ещё! Довези. Ага, дороги в вечной мерзлоте – проложи. Наладь жизнь людей. Что жизнь в Сургуте, что на Луне – не большая разница. А у хохлов – уголь, газ, руда – рядом.

Четвертое. Трудоспособное население. Трудоспособное, трудолюбивое, грамотное, законопослушное – оно было одно – в обеих странах.

Пятое. Вооружённые силы. У хохлов осталась в наследство Западная группа войск. Самая боеспособная. Где она к исходу века? И ядерное оружие у них было. Было, да сплыло. Опять плюс – содержание ядерных боеприпасов – тот ещё геморрой и расходы!

Шестое. Энергетику и транспорт не надо сравнивать – они были едиными в Союзе. Одинаковыми.

Седьмое. Научный потенциал. Опять преимущество Хохландии, что была первой в Союзе по поголовью учёных на душу населения.

Где всё? Может, забыл что, не суть. То есть Украина оказалась даже на более выгодных стартовых позициях. Более того, я сравнил бы Украину не с полузамороженной Россией, а с объединившейся в это время Германией. Эти страны были сопоставимы. На тот момент. Как мы теперь знаем, Германия не только переварила ГДР, но и начала цивилизационный проект «Евросоюз». Тот же Третий рейх, но не силой оружия, а культурным поглощением, денежным связыванием. А Хохландия? Мечтает войти в ЕС. А могла сама стать

центром кристаллизации своего, славянского Евросоюза. Но не стала.

И эту роль вынужденно взяла на себя Россия. В мире ведь как – или ты становишься лидером и собираешь вокруг себя «шестёрку», или становишься чьей-нибудь шавкой. Иначе – сожрут. Или пан – или пропал. Украина не захотела стать паном. Стала набиваться в шавки к немцам. И вот тут появляется основное отличие хохлов от русских. Хохлы нам пеняют и колют в глаз нашей «державностью», называют «имперским шовинизмом». Но русские не могут стать шавками. Не хочешь прислуживать – тащи ярмо цивилизационного проекта. И мы впряглись. И потащили. Белорусы подхватили, помогают. А хохлы кривят рты, посмеиваются, поплёвывают. Именно поэтому русские бывают разные – великороссы, белорусы и малороссы. Именно поэтому такое презрительное отношение русских к хохлам. Так что Советский Союз, или Российская империя, или Российская Федерация в границах Российской империи – это не больная фантазия шовинистов, реваншистов и других – шистов, а историческая необходимость. Необходимость для выживания. Ладно, это в другой раз.

А как будет относиться один брат, впряженный в плуг, когда его младший брат, выросший, окрепший и возмужавший, презрительно отказывается помогать? Да ладно помогать – вообще отказывается работать. Накрасился, расчесался, нарядился в отцовские праздничные одежды и смотрит

по сторонам – кому бы отдаться? Но при этом столоваться ходит в избу брата, хотя тот и сам живёт кое-как, у самого – семеро по лавкам. Да отцов кредит – не погашен! Да ещё и соседи, оборзевшие, отцово поле подрезают, забор постоянно отодвигают, дальнюю родню забижают. А от родного брата – никакой помощи. Одно слово – блаженный. Если не сказать обиднее. Назвать его тем самым именем, каким называют продажных... Которые честь свою продать готовы за кусок колбасы в красивой обёртке. Которые мужичью пахотную долю готовы поменять на бабью, зависимую. Как вы относитесь к мужику, что бабьей жизнью живёт? Как? Пидорги? Модно, говоришь? Ребята, как же я рад, что не живу в вашем аду!

– Ну, я тебе понятно донёс свою мысль? – спросил я Бородатого.

– Но ведь это не так! – вскочил тот, собрался продолжить. Я тоже поднялся, жестом заставил его заткнуться.

– Я не претендую на роль последней инстанции. Это сугубо моё личное мнение. Кроме того, весьма отвлечённое от реальности. Здесь и сейчас хохлы – это лишь чуть более дошлые и чуть более хитровывернутые товарищи – не более. У нас, в Красной Армии, есть только три национальности – русские, хохлы и чурки. И то хохлы только те, что ротными старшинами стали. Или хлеборезами. Остальные просто бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Это понятно? У нас тут нет национальностей. Все мы – скифы. Все мы –

братья-славяне. У нас есть только свой-чужой. Наш или предатель. Друг или враг. Война идёт, ребята. Поэтому, я понимаю, тема для вас – животрепещущая, но мне – гораздо важнее, чтобы вы вернулись с этого «набега». Чтобы смогли попасть к нашим, в безопасность. Чтобы смогли реализовать свои самые потаённые мечты, стать тем, кем даже не мечтали! Вам дан такой шанс! Вот ты, управленец сетью, тут даже компьютеров пока нет! Хочешь стать Биллом Гейтсом или Стивом Джобсом?

– Это возможно?

Я улыбнулся:

– Даже обоими сразу. И даже шпалерами. Один попаданец *там* был мастером литейного цеха. Сейчас, здесь, он – ведущий конструктор бронетехники. Он разработал самоходку СУ-76М. Имеет государственные награды. Лично получал из рук самого Калинина. Лично знаком со Сталиным и Берией. Миллионером стал. Процент получает с каждого самохода. И проценты с патентов на технологии, что воплотил. И его берегут. Пылинки с него сдувают.

Ха-ха! Почти так и есть. Сдувают пылинки. И в окружение посылают. Подставляют под панцердивизионы СС и Аненербе. Но это не публичное. Семейное. А сор из избы...

– Так что впереди у вас неограниченные просторы деятельности и развития. Дерзайте! В нашем молодом государстве трудящихся перед всеми все дороги открыты! Королёв – сирота, сын учительницы, Рокоссовский – вообще поляк,

по определению – английский шпион, Конев – крестьянский сын, Сталин – послушник духовной семинарии. Дерзайте! А можете и прожить простую и спокойную жизнь обывателя. После войны, конечно.

– После войны будет другая война, – сказал хохол с тонкими губами, вставая, отряхивая штаны.

– Возможно. Будет. Или не будет. Хорошо базарить! Время против нас. Дотемна нам надо без приключений до места добраться. Попрыгали, хроно-«зайчики».

– Мы – не хроно-«зайцы», – ответил один из осназовцев полка НКВД.

– Ну, да. Вы – белки-летяги. Не, лучше – летучие мыши. Бэтмэны, гля! Где детонатор?

Поднять настроение личному составу – первейшая обязанность командира. А меня так и прёт на смехуёчки да пиндехаханьки. Истерика, кули! Сам себе я психиатр. Сам себе диагноз поставил, сам себя и исцеляй!

Скифские набеги

Добрались, в общем, без приключений. Люди попадали, где остановились – такой марш-бросок! В лучших традициях Суворова и его чудо-богатырей! А сам я побежал кругами искать сенсорами партизан. Нашёл их наблюдателей. Один – в бинокль любовался архитектурой стальных конструкций моста, один – пас тылы, третий – спал.

Спящего разбудили, отправили к командиру отряда. А наблюдатели стали мне излагать схему охраны моста.

К приходу командира партизан у меня вызрел план атаки. В общих чертах. Обсудили, согласовали. Потом. Сначала обнимались. Командир – знакомец. Тот самый, мною уже меченный. Его человека я тогда спас. И погоню от них отвёл. Поговорили немного.

Разошлись. Надо поспать. Утром – будем резать, будем бить, хороводы водить. День начнётся стрельбой.

Ни черта оно не красит. Нет Громозеки, а мотивчик сам в ушах стоит.

Холодно, пасмурно, темно, опостылевше-противно – осеннее утро такое. Отовсюду сыплется влага, какая-то изморось висит в воздухе. Осень в небе, жгут корабли. Мне противно, но и охранникам мостовым – не мёд.

У них тут всё по правилам. Даже секреты выставлены. Бы-

ли. Тяжёлые пули «винтореза» пробили в них приличные отверстия, через которые теперь и утекало светящееся в темноте тепло жизни. Да-да, так это выглядит в тепловизоре.

Темнота крошечная. Осень, шесть утра. Без опаски, в полный рост, но медленно, чтобы тихо, иду к мосту. Если кто есть – я увижу тепловой отпечаток. Если это не зомби остывший.

Охрана скучковалась в будке-сторожке, печная труба которой светится на всю округу. А вот и пулемётное гнездо. Там ёжатся два тепловых отпечатка. На той стороне моста – то же самое. Ещё двое должны ходить по мосту, но я их пока не вижу.

Свист в рельсах. А вот и поездок. Начало атаки. Под шум проходящего поезда мои бойцы и партизаны начнут сближение. Свистя колпаками в кривой, пытая паром, этот котёл на колёсах неотвратимо надвигался на мост, осветив своим прожектором сторожку, сетку металлоконструкций моста. Загрохотал по мосту вагонами.

Я вскочил, побежал, на ходу взводя гранату. Ф-1. Из будущего. Хотя она с этих лет не изменилась. Всё такой же ребристый лимон. Прыгнул, зацепился, вскинул тело на хлипкую крышу сторожки, опустил гранату в пылающий дымоход, шаг – и я уже ласточкой пикирую в пулемётное гнездо. Весом своим сбивая пулемётчиков с ног, бью их об землю, падаю на них сам.

Взрыв, пламя летит над моей головой. Визг обожженных,

крики раненых. Нож у меня в руке, два взмаха – трепыхания пулемётчиков трансформировались в судороги.

Вскакиваю, двумя прыжками вдоль идущего поезда – набираю скорости, цепляюсь за поручень вагона, втягиваю своё тело на переходную площадку. Еду несколько секунд – мне на ту сторону надо. Пешком идти? Не барское это дело – ноги сбивать.

Несколько секунд всего. Не больше минуты прошло от подхода поезда. На той стороне моста коллеги Бородача, Александра Родионовича, охранника, только начали вываливать из сторожки, со свету удивлённо пялясь на противоположную сторону, где метались обожжённые взорвавшейся буржуйкой. И тут на них, с проходящего поезда, хищной гигантской птицей падает некто в фантастическом защитном костюме из будущего. Летят отсечённые бесшумной бензопилой моего ножа руки, вываливаются кишки, хлыщут фонтанами кровь.

Хохлятская резня бензопилой.

Я бешеным кузнечиком скачу меж врагами, широкими взмахами ножа перечёркиваю их тепловые отпечатки в отражении моего тепловизора.

Поезд прошёл. Выживших не осталось.

Подбежали партизаны, запыхавшиеся от быстрого бега в толстой тёплой одежде. Тут же начали призывать Ихтиандра, отвернувшись к реке. Ихтиандр не пришёл, несмотря на десятки призывов от десятков людей.

– Отставить, – рявкнул я, – занять оборону!

Сюда должны спешить отряды быстрого реагирования противника. Нужно продержаться, пока сапёры не установят заряды.

Наш увеличившийся вдесятеро отряд двигался назад. В угрюмом молчании. Нет, не от потерь. Один убитый, двое ранено – все от партизан, не мои. Угрюмые они – от молниеносной и беспримерно живодёрской расправы над охраной моста.

А ведь там даже немцев не было. И пленных не было. Это были наши. Бывшие наши. Перешедшие на сторону врага, надевшие форму противника, но наши.

Дальнейший бой был долгим, но скучным. Да и не бой – перестрелка. Пошедшие в атаку предатели нахватались пуль от меня – я лупил из трофейного МГ, а от СВД и «винторезов» моих снайперов залегли, только стреляли в нашу сторону.

Потом сапёры доложили, что заряды установлены. Мы открыли шквальный подавляющий огонь из всех стволов по залёгшим в поле предателям, эвакуировались на нужную сторону моста. После следующего огневого налёта пошли в атаку на карателей на этой стороне – тогда у нас и появились потери. Противник был развеян, заряды подорваны.

А мост – не упал. Заряды были заложены на быки опор, мост просел, но не рухнул, повиснув на собственных ажур-

ных металлоконструкциях. Я тяжело вздохнул, долго и смачно матерился голосом Дарта Вейдера. И побежал резать балки моста ножом. Под пулями предателей.

Они в меня даже четыре раза попали! Один раз я чуть не сорвался в реку, получив винтовочную пулю прямо в лицо. В лицевую броню.

А вот когда с диким скрежетом мост рухнул в воду, я и упал вместе с ним. И вот тут и выяснилось, что костюм мой обладает ещё и антигравом. Бася, скотина железномозговая, не мог раньше сказать?

Антигравом! Я умею летать! Теоретически. Всё опять упёрлось в отсутствие энергии.

В общем, когда из водной взвеси, поднятой рухнувшим мостом, я появился, аки Христос, скользя по водной глади, даже предатели стрелять не стали. Многие крестились.

А теперь идут, помалкивают в тряпочку. Да-да. Они сдались в плен. И что мне теперь с ними делать? А? Развесить вдоль дороги, как римляне делали? Блин, даже для меня, озверевшего маньяка – это слишком. А как? Привести их в наш супер-пуперсекретный лагерь? Настолько секретный, что для получения допуска надо сначала застрелиться? Во избежание разглашения.

Я тяжело вздохнул. Ё-моё! Есть же цельный генерал! Пусть он и разгребает этот головняк! Ха-ха! Я наворочал, а он – разгребай! Супер! Всегда бы так!

Настроение сразу улучшилось. Мысли полетели по другой

орбите. Когда сюда шли, я бегал кругами вокруг ядра отряда, сенсорами прощупывая территорию. И засёк что-то вроде МТС. Крытые корпуса, колючий периметр, вышки, охрана, прожектор, генератор, вспышки электродуги и шипение автогена. И всё это нам нужно. И даже очень нужно!

– Привал, – скомандовал я. – Командиры – ко мне!

Отошли в сторонку, изложил им свои наблюдения, подчеркнул, что эти технические мощности нам позарез нужны – особенно генератор и сварка-резка, – разделявать бронетехнику будущего на удобоваримые блоки.

А потом связался с Коль-Коль. Он обещал выслать к нам «полные коробочки». Вот и кавалерия!

– Командир, а может – этих вперёд пустим? Они же в их форме. Сумятицу внесут, – предложил командир партизан. Увидев наши взгляды, он смутился. – А что? Они всегда перед собой наших пленных гонят.

– Уподобиться им? – ответил я. – Кем мы станем? Ими? Хотя здоровое зерно в этом есть. Так и сделаем. Не совсем так, но сделаем.

Пленные сидели плотной толпой, окружённые партизанами и осназом. Попаданцам я приказал держаться мористее. Я подошёл. Они стали вставать на ноги. Дождался, пока все поднимутся, убрал шлем.

– Ну, братцы-кролики, что мне с вами делать? Да, для начала представляюсь – полковник Медведь, осназ НКВД. Для ясности ситуёвины.

Колонна солдат вспомогательных батальонов вермахта, численностью до роты, вышла на дорогу к рембазе. Командиру этого подразделения сразу же доложили об этом.

– Что за чёрт? Мне не докладывали о смене охраны! – вспылил он, хватаясь за трубку телефона. Но связи не было.

Что за день-то такой! То звонят ему, забирают у него половину этих варваров на охрану моста, оставив его почти беззащитным против орд этих вездесущих партизан, то присылают целую роту!

Командир рембата вылетел на улицу из конторы МТС. Ну, точно – идут пешком. Никакого автотранспорта. А это что значит? А значит это, что появилось сто лишних ртов! Пока по интендантствам пробьёшь им довольствие – эти свиньи его рембат совсем объедят! И рабочие из пленных ещё больше будут обираться этими варварами. Опять упадёт и без того никакая выработка. Шайсе! Что происходит в головах штабистов? Неужели эта проклятая русская зима так заморозила мозги штабным служащим?

Меж тем появление отряда солдат совсем остановило работу, и командир рембата вынужден был опять повышать голос, чтобы эти лентяи начали выполнять свои обязанности.

Ворота открыли, смена хиви стала входить во двор МТС. Во главе отряда шёл русский просто каких-то невероятных размеров. Он был так силен своим телосложением, что ему не нашли формы – он был одет в безразмерный пятнистый

балахон. Хорошо хоть кепи подошло этому хиви, а то бы самое время было насторожиться.

Медведеобразный хиви остановился, обвел двор МТС взглядом своих стальных глаз, безошибочно определил командира рембата и неспешной, валкой походкой направился к нему. Подойдя к немцу, хиви небрежно козырнул – немца аж перекорёжило – бросил мимолётный взгляд на пулемётную вышку и... Молниеносным движением, никак не вяжущимся с его неспешностью, схватил немца за горло, вздымая его в воздух. Немец засучил ногами, не доставая сапогами до земли.

А вокруг часто затрещали выстрелы. Первым был убит пулемётчик. Он повис на ограждении вышки. Кровь из его пробитой головы тягучей струйкой текла на вытоптанную землю двора МТС.

Вбегающие во двор якобы солдаты вспомогательного батальона разбегались во все стороны, с ходу вступая в рукопашную схватку. Мат-перемат стоял во дворе бывшей машинно-технической станции. Потому что обе противные стороны были русскоговорящими.

Ничего не понявшие рабочие из пленных просто попадали на землю, кто где был, закрыв головы руками. Только двое из них, со своим рабочим инструментом, стали молотить ближайших к ним охранников.

Всё закончилось быстро. Я упаковал придушенного гаупт-

мана в пластиковую стяжку, засунул ему в рот его же носовой платок, оставил охранять его парочку хроно-«зайцев» – Бороду и этого сурового, из «хохлов», с тонкими губами, прозвище которого оказалось Моток.

Почему не Лёлика и Болика? Как только закончился маскарад, они тут же встали от меня по бокам, как секьюрити. Прикалывает их, что ли? Они что, решили, что мне может здесь что-то угрожать?

Выяснить не успел – кавалерия пожаловала – броня с десантом припылила. Под красным флагом. Вы бы видели, как вспыхнули глаза чумазых рабочих МТС. Как потухли выжившие (опять!) хивики.

Сам Сугроб пожаловал. Как батька Черномор. Он тут подсулся слегка, лицом – просветлел. Алкогольная интоксикация его покидает.

– Ну, раз ты припёрся, то и рули тут, – обрадовал я его при рукопожатии.

И рванул в лес на пятой передаче.

Устал я, морально устал. Побывать одному надо. Думаете это легко – людей десятками на фарш переводить? Моя невозмутимость – показная, напускная. Надо марку держать.

А как только люди остались далеко позади, упал на колени и завыл волком, пальцами разрывая масккостюм (что ещё влезет на мою тушу в экзоскелете?), напрасно пытаюсь разодрать доспех на груди. Сердцу отчаянно не хватало места в моём теле, оно рвалось наружу.

Размышлизмы в тоске(общечеловекам – не рекомендуется!)

Каждую ночь над головой гудели тяжело нагруженные моторы. Наши, не наши. Наши – продолжали засыпать нас осназом, тюками с припасами, бомбили по нашей наводке немцев. Не наши – везли на восток тонны бомб.

А по утрам начинался сбор «небесных осадков». Прорва народу пожирала прорву еды. А сухари после приземления превращались в мешок хлебных крошек. Банки с консервами – лопались, как при взрыве. Сплошная антисанитария.

И мне становилось всё тоскливее. С каждым днём. Москва – всё тянула с разрешением на начало операции «Дед Мазай». С каждым днём кольцо вокруг нас уплотнялось. Партизаны больше не паслись вокруг нас в одном-двух переходах. Тут квартировали. Выдавили их. Немцы броню подтянули. Пушки.

Бронепоезд немцы подогнали. Мы навели на него наших «соколов». Схватка была – загляденье. Но через два дня бронепоезд появился снова. Заштопанный, с заменёнными небашнями. Вместо башен БТ стояли башни Т-34. Соответственно вместо 45-мм пушек – 76-мм. А это уже серьёзно.

Вообще, я заметил, немец большой любитель использо-

вания трофеев. Это от их национальной черты – практичности? Собирают, ремонтируют, используют. Всё собирают. Оружие, пушки, танки, технику, обмундирование. На МТС, куда мы совершили такой дерзкий набег, как раз и проводили сортировку и мелкий ремонт трофеев. И не только наше. В вермахте служит и чешская, и французская, и прочая-прочая техника. Сам видел чешские танки, французские автомобили. И наши ППШ, и СВТ – на руках немцев. Не только в тылу, но и в частях на передовой, прямо на фронте. А 76-мм орудия Ф-22, которые немцы массово применяли?

Используют даже людей наших. Формируют из них такие вот «вспомогательные батальоны». Массово. Не говоря уже о прочих полициях. А сколько наших людей работает на них? Сейчас вот мы тут воюем не с немцами, а с нашими же предателями. И любой бой – наши потери. С обеих сторон. А после войны горе-счетоводы на диванах с калькулятором будут презрительно хмыкать – мы потеряли 25 миллионов, а немцы – семь. Или восемь. Забывая, что семь-восемь миллионов немцев в основном только военные потери, а у нас в этих двадцати пяти – все. И убитые – бойцы и командиры, погибшие в плену, пропавшие без вести, такие вот предатели, однажды посчитанные в потери, а потом ещё раз посчитанные. И увеличивающие наши потери своими руками, убивая, убивая и убивая. После немцев земля русская опустеет.

Двадцать пять миллионов! А может, и больше. Тут все и

всё. И сожжённые заживо. И угнанные в Германию, не вернувшиеся. Предатели – расстрелянные, убитые в боях. Умершие от голода и холода в блокадных городах, погибшие под бомбёжками спящих городов. Умершие от голода, холода, непосильного труда. И у нас в тылу, и под немцами. Немцы и их прислужники выгребали же всё, не задумываясь ни секунды – а как люди будут выживать?

И будут говорить – завалили немцев трупами. Комиссары, кто же ещё? Они же гнали толпы невооружённых людей на пулемёты. А как ещё объяснить такое соотношение потерь? Семь к двадцати пяти? Сам в кино видел. «Враг у ворот» называется. Чувачка высадили на берег в Сталинграде, дали ему пять патронов и погнали по площади с фонтаном на пушки и пулемёты. А чтоб быстрее бежали и надёжнее оправдывали статистику – стреляли из «максимов» в спину. Или это в другом фильме было? А, точно, это же «великий» режиссер, оскароносец. Он так утомился на солнце, что в его фильме пехоту гнали на мифическую бетонную крепость по полю с берёзовыми палками наперевес. И в спину им из пулемётов строчили. Ладно «Враг у ворот», его амеры снимали. Для себя снимали, создавали образ врага (враг – мы) в сознании пиндосского обывателя, но ты-то наш! Ты же тут в грудь себя стучишь, патриотом себя называешь. Ты для кого это снял?

Да, это тот ещё вопрос – по этим пидоргам, этим, что с «тонкими, возвышенными натурами». Художники, гля!

Ещё один был. Граф. Толстенную книгу написал. Третий – на французском. Для кого? Если русские другого языка не признают. Свой-то знать не желают. А каким там изображён Кутузов? Проспал военсовет перед Бородино? Так бывает? Проспать, но бой провести правильно? Брехня! Тогда брешет автор, как пёс вшивый. Поклёп голубинового кала это на голову великому полководцу. Это как называется? Пидорг. Вот как! Великий и могучий, но тем не менее.

А не такой далёкий во времени Симонов с его «Живыми и мёртвыми»? Как он всю книгу внушает, что военные – архангелы, а в поражениях виноват Сталин? Не дал приказ на начало войны! Приказ тебе нужен? А почему флоту и адмиралу Кузнецову приказ не был нужен? Ни один самолёт со свастикой не долетел 22 июня до объектов, подчинённых его ведомству. Ни один корабль не был атакован в то утро. Встретили, сбили, отогнали. Без приказа от Сталина. Потому что – кто такой для них Сталин? На ночь 22-го – верховный завхоз. Верховным Главнокомандующим он станет позже. Надо понимать, что хозяйственно-административный аппарат и военные бонзы – немножко разные штуки были в то время. Как было в моём ХХI веке – не знаю. Не интересовался. А тут пришлось вникнуть. И не Сталину решать было в ту роковую ночь 22 июня 1941 года – позволить себя убивать или огрызаться. Ни один пограничник не был убит спящим. Все утро встретили в окопах. Они – НКВД. А армия – проспала. И нарком обороны (министр обороны), и глава

Генштаба – все прое... проикали. Растерялись. Как война? В самделе? Блин, и чё будет?!

Несколько примеров. Павлов, танковый гений, наш Гудериан (один в один, такой же балабол), первую неделю войны провёл в пьяном угаре, несколько дней был вообще в состоянии бревна. Одна из причин его показательной казни. Но он был такой не один. Главком ВВС – вместо интенсивной работы по мобилизации авиации и авиапромышленности – застрелился. Надо было организовывать сотни тысяч людей, решать десятки мозговзрывающих организационных вопросов – нахрена? К общему бардаку он добавил ещё и вопрос поиска нового главкома, его неизбежное «втягивание» в вопрос. А потом удивляемся – почему авиация погибла на земле? Без топлива, без боезапаса, без пилотов и техников обслуги, без руководства и связи. Получилось, что мухи были отдельно от котлет – самолёты без пилотов, а лётчики – в пехоте с мосинками. Войска без авиаприкрытия? А пилоты сидят в кабинах и не знают об этом. А-а, нет связи! Нет командования. Оно с горя горькую хлыщет, затвор именной пукалки взводит. Принимать на трибуне парады и драться против лучшей армии мира на 1941 год – чуть-чуть разные штукенции. Числиться самым-самым в авиации или тянуть бульдозером ворох проблем отрасли крылатого народного хозяйства – не одно и то же.

Он и Жукова, при всём моём уважении и признании его выдержки и самообладания – при первой же возможности –

сдёрнул с начальников Генштаба в «армию, дивизию, полк, роту». Это цитата. Не штабист он, говорят. Как же, до начала войны было призвание, работал, не жаловался, получал оклад и положенные по должности квартиры, машины, санатории, а потом «не штабист»?

Может, я не прав. Правда, не штабист. Прекрасно его понимаю – мне самому проще в «поле» с шашкой наголо. Но я этого и не скрываю.

Если вспомнил Жукова, чтобы два раза не вставать – гнилым он не был. Иногда только. Но когда в той истории, из того потока, откуда хроно-«зайцы», образовался «Вяземский котел», Конев тоже забухал! Умный мужик, тут – базараноль, тоже маршал Победы, но растерялся. Такого масштаба окружений ещё никогда не осуществлялось. Кто ж мог подумать, что окружить можно не дивизию или армию, а фронт – целиком? Жуков был послан – расстреливать, у Георгия Константиновича рука не дрогнет. Но Конев он не сдал. Почему-то. Павлова – сдали, а Конев – нет. Видимо, забухавший Павлов – ещё что-то накосячил. Конев – не сдал, сам – не заменжевал. Стойко оборонял Москву. А в этой реальности Жуков – пропал. Немец – в Москве. Про Конев – не слышать. Нет, его не расстреляли. Служит. Но не блистает, как в той истории. Или просто я с ним не сталкивался. После войны историки восстановят справедливость. Распишут героический путь маршала.

Это крупный уровень. Генералы армии, четырёхзвёздоч-

ные. А что происходило ниже уровнем? Я тут таких рассказов наслушался! Командир мехкорпуса отправляет танки в контрудар за три сотни километров, «забывая»: свою корпусную артиллерию, согласовать авиаприкрытие, пехоту, что прётся пешком, снабжение топливом и боеприпасами, связь, взаимодействие родов войск. Я понимаю, вчера он только-только дивизию «осваивал», а тут – корпус. Но Рокоссовский же смог? Танки этого горе-комкора (не Рокоссовского) к полю будущего боя подходили поротно, потрёпанные маршем, с пустыми баками и одной боеукладкой, потеряв часть машин по дороге из-за поломок. Без снабжения, разведки, прикрытия, артподдержки – с марша – в бой. Это были – смертники. Зато комкор семью и своё имущество вывез на казённом автотранспорте.

Я понимаю, семья – святое. Но у тысяч обречённых пацанов тоже были семьи. И автомобили эти должны были челночить круглосуточно, не заглушая мотора, от корпусных складов по танковым бригадам.

Другой пример: полк выводится на поле, окапывается. Командиров нет. Они, отцы солдатам, заняты – организуют эвакуацию семей. Никого старше ротных командиров, только прибывших из училища. Полк стоит в поле три дня. Без соседей, без связи, артполк и батальонные сорокопятки – окопались, но снарядов нет. Только учебные болванки. Их окружили утром. Пробомбили, обстреляли гаубицами, ударили сразу со всех сторон. Полк сражался «целых» четыре часа.

А потом – выстраивание пленных в колонну, добивание раненых, плен, враг народа, «вспомогательный батальон».

А что? «Они нас – на смерть кинули – ненавижу красных!» Олицетворением советской власти для него были отцы-командиры. Он их возненавидел за подлость. И всю советскую власть, до кучи. Вот так вот! И скажи, что позиция этого предателя надуманная! И его надо расстрелять. А командира того полка? Да, мужик предал. Перешёл на сторону противника. Худшее преступление из существующих. Но комполка – соучастник! В одной расстрельной шеренге им стоять. У одной стенки.

Немцы брали окружные склады – с сотнями корпусных орудий, новейших, А-19, не стрелявших ни разу. Потому что комкорам было «некогда» заниматься корпусной артиллерией. Было взято на складах немцами столько дивизионных пушек Ф-22, что до 1943 года немец головы не забивал по вооружению всей своей армии противотанковыми орудиями среднего калибра. Всего вермахта! Производство снарядов организовали даже. Всю Красную Армию можно было перевооружить, да и ещё одну сформировать. Один артполк – одна стрелковая дивизия. А мужики зубы крошили от злости, что снаряды «Прощай, Родины!» раскалываются о броню немецких танков.

Что это? Сталин виноват? Он мало орудий сделал? Надо было ещё сотню тысяч на склады поставить? На пять вермахтов? Тысячи людей гребали здоровье в домнах и у станков,

миллионы человеко-часов было потрачено не на производство товаров народного потребления, а на перевооружение армии. Для чего? Чтобы по чьему-то недомыслию или злему умыслу усилить врага? Сталин виноват? Он должен был за каждым комдивом и комкором с палкой бегать, чтобы они получили орудия со складов? Или надо было бить этой палкой наркома обороны и начальника Генштаба? Сколько их надо было расстрелять, чтобы они думали сначала о Родине, а потом о своих прошмандовках, тряпках и сервисах?

Да, в конце концов, что это за мужики-то! Как попали в такие эшелоны власти такие ублюдки? Есть мальчики, которые играют в казаки-разбойники, в «войнушку», в «танчики», те, что «тащатся» от мальчиковых «игрушек», стреляющих, рычащих, воняющих мазутой, порохом и смертью. А есть, что за девочками сопельки подтирают. Как так много дамских угодников оказалось в командовании генеральского звена дивизия-корпус-армия? Они были хорошими карьеристами, жополизами, но они не любили оружие. Если бы любили – тащили бы в свои норки, в своё «хозяйство» всё – новенькие танчики, пушечки, возились бы с ними, млели, облизывая их, пахнувших заводской краской и смазкой. Не была армия их призванием. Слишком жирным был армейский комсоставский паёк. Вот и налетели паразиты. Подкаблучники.

Как так – если девушка угождает мужикам – бл**ь! А если этот ловелас угождает дырке – нет настолько же сочного

и обидного слова? Этот, неназванный, везёт дырку и её «рюшечки» в тыл, позабыв про долг. Это офицер?

В этом тоже Сталин виноват?

Тысячи исправных танков, тысячи орудий, сотни тысяч единиц оружия, миллионы тонн боеприпасов, обмундирования, продовольствия было оставлено врагу. Тоже Сталин виноват? Сталин не отдал врагу ни одного завода, ни одного станка, ни одного генератора – это его административно-хозяйственная грядка. А припасами военных должны были заниматься интенданты, штабы, командиры. Генштаб. Сделали они это? Нет.

Допустить подобное – преступление. Допустить повторения – глупость. Поэтому создаётся Государственный Комитет Оборона, Ставка, фактически дублируя Генштаб. Не от жира. Да-да, тот самый случай, когда «война – слишком серьёзная штука, чтобы доверять её генералам». Вот когда Сталин взял на себя ещё и армейскую лямку. Не от мании величия, а потому что надо. Проикали всё, что могли. Надо было выправлять. Надо было бить палкой это стадо крупнозвёздных зазнаек.

Так кто виноват? Сталин! Тиран. Деспот. Всю армию расстрелял, обезглавил. Сталин? Кто нас этому научил? Великий Симонов. Честь и хвала ему! Тот самый, слово которому ещё не придумали. Подхалим. Хрущёву подлизал. Молодец. Да, он там не один. Их там – толпы до горизонта. Михалковых, Солженицыных и других воспетых. Нобелевских

лауреатов, оскароносцев. Обласканных – врагами.

Добрый слишком дед Ёся! Слишком! Мало было одного Павлова. Там их тысячи – просили помазать затылок зелёнкой. Слишком мягкий. Кричать на себя позволял всяким Жуковым, Тухачевским. Позволял. Думал, что они то, что надо. Надо потерпеть. Амбиции – штука хорошая, но вредная. Надо потерпеть. Потерпел. Один, Тухачевский, сам признался, что немцам продался, Жуков – предал. Не во время войны. Позже. Хрущу продался. А какие мемуары написал – зачитаешься! Как маршал Жуков на Малую Землю летал советоваться с полковником Брежневым, согласовывать с ним военную кампанию будущего года. М-да.

Не *тут*. Тут Жуков – пропал. Может, мне опять в плен попасть? Может, найду его там? С моим-то везением! В глаза ему взглянуть. Не, не стоит. Был бы он у немцев – уже на весь мир бы шумели – как же, в плену сам Жуков – гроза японцев! Молчат. Значит – не знают о его судьбе. Или уламывают, как Власова. Вот это поворот будет! А предателей будут не власовцами называть, а жуковцами. Бр-р, не хотелось бы. Маршал Победы всё же. Пусть, что только для меня и кучки вот этих хроно-«зайцев».

Погоди-погоди! Очень яркая мысль, как ящерица, вильнула хвостом и спряталась в траве. В руках только хвост. А мысль очень важная. Но только «хвост» остался. А что за мысль?

А-а, Жуков, незабвенный! И чё Жуков? А-а, вот что! Не

вяжется мужество этого полководца и участие в заговоре Хрущёва. Вот не вяжется логически – и всё!

Я что заметил – человек или обладает мужеством и стойкостью, или он – гнида. Не бывает, что сегодня он – гнилой, а на следующий день – герой. Не бывает так. И наоборот – не бывает. Что-то не то с участием Жукова в силовом прикрытии дворцового переворота Хрущёва. Где-то ложь! Не участвовал? Вроде участвовал. Берию – арестовали и расстреляли. Вопрос по отравлению Сталина – открыт. Мог Жуков участвовать в убийстве Берии? Мог. Запросто! В убийстве Сталина – не идёт! Не вяжется моё о нем психологическое представление и его участие в заговоре. Не мог Жуков пойти против Сталина. Да, Жуков не был святым. Тоже выпить любил, к бабам был слаб, ручонки липкие. Но не падла он!

И вообще – этот заговор весьма странный. Как и личность самого Хрущёва. Тоже не святой. Да, «не догонял» он замыслов Сталина, потому так криво воплощал их в жизнь. Что хрущёвки, что целина, что кукуруза. С кем не бывает? Мало кто понимает замыслы Сталина. Они настолько глубоки, что все, кто пытается в них разобраться, чувствуют себя умственно недоразвитыми. Но разве замыслы Хрущёва были гнилыми? Разве Хрущёв заботился о своём кармане? Нет. Он был коммунистом. Таким же аскетом, как и Сталин. Все хрущёвские начинания были кривыми, выглядели тупыми, смешными, но они все имели благое намерение. Хрущёвки – крыша над головой, целина и кукуруза – обеспечение продо-

вольствием и кормами для скота. Космос, перевооружение армии, истерика с туфлём – защита интересов страны. Что в этом плохого? Да, смешно, да – тупо. Но гниль где?

Единственное – тот самый съезд партии и «культ личности». А отсюда производные – ментальный раскол народа и элиты, разрыв с Мао и Тито, посчитавшими случившееся подлостью. Это единственное.

Попаданцы тут «привезли» много «мусора» из Интернета. Несколько материалов по этой теме. Заинтересовался. Почитал. И опять то же ощущение нелогичности.

Хрущев страшно боится читать этот злополучный доклад. Настолько боится, что съезд распустили. А потом вернули. Зал – пустой. Поведение Хрущева типично для человека, что делает то, что ему не хочется, но его заставили. «Разоблачение культа личности» – инициатива не Хрущева. Кто мог его заставить? Англичанка? Да ну на! Хрущёв – не Горбачёв. Это Горбачёв – был гнилым дамским угодником, да ещё и на крючке, благодаря предкам. Хрущ имел достаточно личного мужества и не имел уязвимостей перед врагом. Кто мог заставить Хрущёва? Кто? Если он Берию – расстрелял – не боялся. Партия? Чё? Аморфное образование. Фамилия! Хрущёв настолько боялся только одного человека – Сталина. Сталин заставил Хрущёва разоблачить культ самого себя?

Я сошёл с ума! Точно!

Хотя!.. Есть у человечества уже такая модель поведения. В Книге Книг описана. Был один философ. У него – двена-

дцать учеников. Из них один – самый любимый. И вот философ собирает своих учеников и объявляет им, что его завтра арестуют, осудят и казнят. Ученики кричат, что не допустят! А философ им раздаёт команды – самый старший из них лично от него отречётся. Более того, этот ученик, являющийся, по совместительству, ещё и первосвященником этого святого города, лично осудит Учителя на казнь. А самый младший, самый любимый ученик прямо сейчас пойдёт и «стуканёт» на Учителя местным держимордам. Получилось – как задумывалось. Учитель был казнён, душа его покинула тело. Учитель – вознёсся. Всё по плану!

Эк меня торкнуло! Лечиться вам надо, товарищ полковник! Тяжёлыми психотропными препаратами надо мозги ставить на место! Это ж надо такую хрень удумать! Определённо – лечиться!

Да что я голову-то забил? Выведем «попаданцев», выйдем к «своим», Кельш – доложит, не от вредности характера, а по должностным обязанностям – доложит, он не стукач, конечно, но доложить обязан, и закроют меня в тихом и спокойном месте. Где птички поют и стены – мягкие. Отдых. Мечта!

Да и что это я вдруг расхандрился? Творческих личностей вспомнил – продажных девок империализма, ха-ха! Хрущёва какого-то! Да, в древние еврейские сказки занесло!

Давненько не было хорошей драки, вот что! Надо, надо противника проведать! Вдруг скучает? Нехорошо это, заставлять кого-то ждать. Ждать, мучиться, продукты перево-

дить, кислород в двуокись превращать.

Тут как раз целая дальнобойная батарея врага отметилась. Пошёл покликать добровольцев, а там беседа увлекательная. Лектор – Бородатый. Тема доклада: «Не всё ладно с историей». Ха-ха, год назад я, так же в окружении, бойцам втирал те же байки. Но заинтересовался. Такого я ещё не слышал. Бородатый рассказывал, как он отдыхал в Испании. Ну, не хреново живут сисадмины в Хохляндии – по Гишпаниям катаются! Водил их экскурсовод по виллам древним, построенным сразу после освобождения Испании от мавров. А там – фрески. Он описывает, сокрушается, что не может показать. На телефон фоткал. Я – заинтересовался. Не поленился – сходили, нашли мы с Басей его телефон, нашёл я его карту памяти, Бася – вернул заряд в батарейку.

А фотки и правда интересные. Панно называется «Победа над таврами». Не маврами, а – таврами. Да и эти пленные, братья-близнецы Тараса Бульбы, на мавров – не похожи. Испанские конкистадоры мутузят людей со славянскими чертами лица, бритыми головами, на которых оставлены только длинные чубы-оселедцы, вислые усы, широкие шаровары, яловые сапоги, кушаки. Сейчас хохлы как раз в такие рядятся. В испанцев. Тавры. Как раз на Украине Таврия и располагается. И автомобиль был такой. Апгрейд «Запорожца».

И ещё фотки. Суд Христа. Как, блин, специально! Смотрю на картинки. Видимо, Понтий Пилат. Судя по красному стягу с надписью S.P.O.Q. Но Пилат – в горностаевой шубе,

в шапке, подбитой мехом. Не римский прокуратор, а типичный барин толстовского романа. В Испании, ага! А нарисованные события, если не ошибаюсь, произошли в Палестинах израильских. И скоморох стоит рядом с Понтием Пилатом в горностаевой шубе на картине, снятой Бородой в Испании. Типичный наш скоморох на нетипичной картине казни Христа в совсем не нашей Испании.

Россия – родина слонов?

Смотрят на меня выжидательно. Видят же, есть мне что сказать. Конечно, я же эксперт по загадкам былых времён. С гриднем князя киевского общался. Чё, ребят, правды хотите? А хрен вам! Правду нельзя услышать. До неё додуматься надо! Всем и каждому – в индивидуальном порядке. Сначала – мозги себе отформатировав, а то будет – как со мной – сдвиг по фазе.

А говорить что-то надо. У нас нет политработника. Потому я буду врию. Сейчас я вам на уши присяду с мотивирующими офисными байками, используя прошлогоднюю тему, что хорошо сработала тогда:

– Испанию называли раньше Гишпанией, Францию – Воронцией, Венецию построили славяне венеды, в Германии жили полабские славяне. А Киев строили поляне, позже ставшие половцами, а ещё позже – поляками. А сейчас – Украина – цэ Европа. Вот так же, ребята, и тогда было. Всё это продолжается до сих пор. На своей шкуре испытали. Киев – мать городов русских. Даже его отобрали. А Рюген,

семейный остров Князя Сокола – Рюрика, чей фамильный знак вы своим гербом носите – давно уже немецкий. Чему вы удивляетесь? Вы историю своими руками делали. Не при вас проводили десталинизацию, десоветизацию, декоммунизацию, дерусификацию? Там так же всё было. В Виталии, ставшей Италией, – этрусков просто перевели как явление. Прислушайтесь – этруски. Эти русские. Там, в Италии таких картинок тоже море. И в Египте. Про Венецию и остальное и говорить не стоит. А в Англии, на Оловянных островах, на могиле воспетого аглицкими легендами Артура написано: Яр Тур, рус царь. Знаешь, как учёные читают? Артуриус. А я тебе перевожу с русского на русский – Великий Тур, полководец. И наш с вами великий Святослав. Слава его – свята, и свят он своей славой – и Великий Хан, по-тюркски – Чингисхан – один и тот же человек. Как Иосиф Виссарионович Джугашвили, товарищ Сталин и Коба. Собрались они как-то втроём, Джугашвили, Сталин и Коба... а, ладно, в другой раз анекдоты. Всё очень просто в этом мире, хохлы вы мои ненаглядные.

– Кто это всё делает? Зачем? – родился вопрос. Хороший вопрос. Своевременный. Хоть и бородатый.

– Вот за этим я и подошёл к вам. Имеется у меня возможность вам их лица показать. Есть добровольцы-смертники? Кровашки супостата попить, пролить? Биатлоном позаниматься? Побегать, пострелять, опять побегать? Исконно славянским спортом – бегом с врагом на опережение? Вы-

живший – переходит в следующий тур. Перс Кир, Александр Македонский, Наполеон – не прошли отборочный тур. Сейчас очередь – пруссаков и их приятелей. Результат вам тоже известен. В полуфинал вышло НАТО. Будем ставки принимать на финалистов?

Ха-ха! Как вас много! В тот раз только двое «хохлов» вызвались, сейчас – дюжина. «Гэрэушники», как всегда – все. И осназ – толпой. Со своим молодящимся командиром. Что, ребята, заскучили на местном укрепе? Застоялись в стойлах? Все вопросы – к товарищу генералу. И к его радионяням. Так, ты, ты, вы – двое, да, и вот – вы. Хватит! В другой раз. Да не дуйтесь вы! Этих приведу, вас потащу. А сейчас – отдыхать! Силы вам понадобятся. А я что? Я же железный. У меня ничего не болит. Уже. Не трёт, не жмёт и не потеет. Душа? Потерпит. В гробу отоспимся. Попрыгали, зайки мои хищные!

– Это не то, – опять Борода. Что за вьедливый тип!

– Показать, кто всё это делает? В зеркало иди посмотри. Он и делает. Демон – в тебе. И во мне. Отец лжи. Сатана. Слышал? А ангел во мне и в тебе – сопротивляется, по таким вот виллам тебя таскает, носом тебя тычет, что слепого кутёнка.

– Ты хочешь сказать, что мы – богоизбранный народ?

– Нет, что ты! Это иудеи – богоизбранные. А мы просто потомки богов. Внуки Сварога.

Да, надо бы и в самом деле пообщаться с тем попаданцем,

что мечом порубал осназ. Одно дело – людям байки втирать, а другое – самому знать, как там было? Кельш вот говорит, что они этого гридня до сих пор не поймали. Лохи. Как так-то? Как мог человек из средневековья раствориться? Вы так ловко вычисляете импортных шпионов, а тут средневекового человека потеряли? Да он же на русском даже не говорит! Какая-то смесь церковнославянского, русского, украинского и белорусского. Как вы его потеряли? Опять самому? Мне его искать? А придётся! Должен же я наконец-то разобраться, как на самом деле было?

Но это позже. Если оно будет, позже. Сейчас – бой. Ох! Как же надоело! Война превратилась в скучную беготню. А всё Бася виноват. В нём меня даже адреналин не щекочет!

Гоп-стоп. Или как мы выпили и остановили самолёт

И вот – свершилось! Рассыпанным строем выдвигаемся в ночь. На то мы и дозор. За нами идёт колонна. План – раскурен, тьфу, проработан, утверждён, согласован, поставлены подписи и печати, ха-ха.

Малёха потряхивает. Как всегда. Переживаю. Когда долго-долго ждал, а теперь менжую – как пойдёт? Как всегда бывает, если план так детально проработан, так много взаимозависимых деталей и условий – обычно всё идёт наперекосяк. И поперёк. Помолиться, что ли, Тебе, устроивший ливень роялей? Не подведи, насыпь пианинов по кустам на нашем пути!

По этому пути я уже бегал с прокачанными «призраками» Лёликом и Боликом. Тихо-тихо. Никого даже не убили. И вообще, никому не показывались. Так, воздух понюхали, занесли на карту объекты – и назад.

Я опять бегу впереди. Моим сканерам нет аналогов. Одно плохо – меньше двух процентов осталось. Плохо, но я рассчитывал, что и на это не хватит. Сколько я уже в костюме? Всей встроенной электроникой пользуюсь, плазмой стрелял, летал, точнее, замедленно падал, с мостом вместе. Надеюсь, хватит. А там, на Большой земле – найдём способ зарядить батарейку.

Вскинул руку. Показал два пальца и направление. Два тёмных силуэта скользнули в ту сторону.

Дальше бегу. Теперь – темп. Дискотека началась!

В руках у меня трофейный МГ. Мне, в костюме с его экзоскелетом, не нужны сошки. А с прицелом Баси и его баллистическим вычислителем – не нужен оптический прицел. Скорострельная дальнобойная снайперская винтовка. А на плече – противотанковый плазмомёт. Огнемёт, само собой. И электромагнитный ускоритель. Тот же пулемёт, только не пороховой, а электромагнитный. Рейлган, если не ошибаюсь.

За спиной у меня – танковая рота, по сути, и сводная бригада пехоты. А что? БМД по боевым характеристикам Pz-III не уступит. А этот «пазик», третий, на данный момент основной боевой танк вермахта.

Задача наша – быстро взять взлётно-посадочную полосу, обеспечить её оборону, посадить самолёты, погрузить хроно-«зайцев» и их манатки, отправить в Москву.

Всего дел-то! Как два пальца об асфальт! Да-да, мотивирую сам себя.

Всё, броня наша встала, дальше – пехотой. У каждого отряда – своя задача.

В лоб идут «пленные». Дважды пленные. Так и идут в форме хивиков. Они – наш штрафбат. Всё привычно. Будут искупать кровью. Им был дан выбор – или атака в полный рост на пулемёты, или висеть на дереве. Умереть сейчас или умереть позже.

«Хохлы» и «гэрэушники» идут с бронёй. Под конвоем осназа. «Буйные» «хохлы» и «импортные» пленные едут в бронне. В качестве мешков с дерьмом. Связанные, упакованные, как бандероли. Бандерлоги. Грохнуть бы их! Но уж я-то прекрасно знаю, как мозгокопатели НКВД умеют добывать информацию. Может, что и просеют в их гнилых мозгах.

Так, вот и зенитная батарея. Мелкашки скорострельные. А вот и часовой. Показал его сопровождающим меня волкодавам осназа. Беззвучными тенями они скользнули туда. Бесшумно. Завидую.

Слежу за тепловыми отпечатками. Возня, ручеёк тепла. Боец снимает перчатку, сигналил мне тёплой ладонью. Как я и просил.

– Вперёд! – вполголоса говорю я, не используя голосовые модуляторы Баси.

Берем имеющих немцев в ножи. Тут же люди занимают места расчётов орудий. Стволы опускаются к земле.

По радио доложил Кельшу обстановку. Попросил разрешения на дальнейшие безобразия. И... не получил его. Не понял?! Время – уходит. Рассвет нас ждать не будет!

– Подожди, Витя, чую – рано.

Чуешь, говоришь. Ну-ну! Поверим-проверим.

Ёжкин кот! Тарахтение двигателя, тень над головой, на ВПП заходит маленький самолётик. Связной какой-то.

– Теперь – пора! – в эфир сообщил генерал.

Вскочил, бегу. А быстро генерал освоился с рациями

«гэрэушников».

Над головой с шипением взлетает зелёная ракета.

– Алярм! – кричит темнота передо мной.

Ух ты! Как ты закутался – замаскировался от моего теплового зрения! Мой пулемёт коротко рывкнул, уже мёртвое тело упало.

Кругом нарастала какофония боя. Люди кричали, стонали, визжали, ружейно-пулемётная трескотня. Глухие и звонкие взрывы гранат. Во! Со всех сторон нарастал гул: «А-а-а!» Это «штрафбат» пошёл в атаку. Ура! – кричат. Как будто наши.

Так, здесь тоже всё.

– Брат, – обратился я к старшему из сопровождающих меня осназовцев, – надо стоянки самолётов проконтролировать.

– Самолёты жечь?

– Не хотелось бы. Но немцам на них улететь нельзя. Смотри – вон из того барака уже бегут к стоянкам. Вперёд!

Встал на колени, взял на прицел дверь барака. Те, что уже выбежали – хрен на них, осназ разберётся.

Свалил троих. Поняли, что дверь – на прицеле, полезли в окна.

Блин! Как же я забыл! Этот самолётик, из-за которого Коль-Коль задержал атаку! Что-то там важное, если этот волчара чекистский учуял. Срезал ещё двоих шустрых, добил ленту, перечертив барак очередью туда и обратно. Не стал менять ленту – долго, побежал.

Самолёт выруливает на взлёт, вокруг него суетятся люди. Блин, пулемёт-то я оставил незаряженным. Бася!

Огнемёт – далеко, электромагнитный пулемёт – там такой диаметр пулек! Много мелких дырочек – самолёт не остановят. Высокотемпературный заряд? Попадём?

– Легко! – ответил Бася. Кремниевый болванчик стал говорить человеческим голосом. Самообучающийся, кули.

Светящийся заряд сорвался с моего плеча, стремительно перечертил тьму, догнал разгоняющийся самолёт, впился ему в красный капот, прямо за прозрачным диском пропеллера.

Всё? Приплыли? Двигло барахлит? Горит, говоришь? Что, не получается взлететь?

А кто это по мне стреляет? Вскинул руку. Выстрелов ЭМУ – электромагнитного ускорителя – я даже не почувял и не увидел. Цель – поражена всеми тремя шариками. А вот человеческому телу хватило трёх маленьких, но сквозных отверстий, чтобы почувствовать себя настолько неудобно, что жить расхотелось. Ещё бы – два тоннеля в черепе вносят такой сквозняк в головной мозг, что смерть от простуды неизбежна.

Никого. Самолётик стоит пустой. Куда они могли подеваться? А, вот и мышки. Бегут. Ну-ну! Два тела засучили ногами, поднятые мной за шкурки. Стукнул их друг об друга. И нечаянно уронил. На голову. Перевернув. Ну, нравится мне этот приём! Надёжно успокаивает нервы оппонентов.

И что теперь с этими летучими мышками делать? Оставить тут? Там вон барак никак не уgomонится. Весь дырявый от попаданий зенитных снарядов. Рукопашная схватка кругом кипит. Пулемёт я выронил где-то. Из ЭМУ стрелять – глупо. Шариков мало. Из плазмобоя – ещё глупее – он жрёт заряд батарейки.

1,78 процента. Обвоюешься!

А что это я?! Я что, один тут?

– Коль, тут я птичек поймал. Мне они помеха.

– Видел, жди.

Вот и смена караула. И пулемёт мой принесли.

– Самолёты подходят, – прохрипел запаленный от бега генерал. Бегающий генерал! Пора уже паниковать?

– Надо ВПП освободить! – продолжил он.

Понятно. И сопротивление бывших хозяев ВПП пора задавливать.

Бегу со скоростью спорткара мимо барака, закидываю импульсы огнемётные в разбитые окна, двери, дыры в стенах. Бегу дальше по кругу, на любое неповиновение раскидывая файерболы.

Этакий круг почёта. За моей спиной – ад. Будто демон из преисподней пронёсся. Вот вам, небесные шоферы, ориентир!

Всё, можно выдохнуть. Остальных – дотопчут. Допинают.

Глотнуть бы чего жидкого, перезарядить пулемёт. Пора уже и внешний периметр организовывать.

Ан нет! Надо обломки с ВПП раскидать. Бульдозеров нет – броня ещё не подошла. Боязно их в бой бросать. Спалят их, с перепугу. А нам они целые нужны. Со всей их начинкой. Наши кулибины и сами раскурочат. Или себе мозги. А в сгоревшем что они поймут?

Ну, Бася, посмотрим, что такое – экзоскелет! Сможем мы всё это раскидать по кустам? Смогу я ощутить в себе Халка? Какая у меня сейчас грузоподъёмность? Выясним на практике.

Над головой уже купались в небе красновзвёздные истребители прикрытия.

Я работал, как ломовая лошадь. Конечно, не один. Всем миром готовили посадочную полосу для тяжелогудящих транспортов.

Вот и они – появились над чёрной стеной деревьев и сразу пошли на полосу огней. Да, те ещё мастодонты! Я в шоке. А шасси у них не убирающиеся. Старьё.

Небесный лифт

Старьё. Допотопные бомбовозы тяжело плюхались на землю. Блин, у них даже кабины пилотов не остеклены!

Но эти древние мамонты, как волжские бурлаки, притащили за собой огромные планеры, что так же тяжело плюхались на землю.

Всё, больше я не мог любоваться посадкой наших спасителей. Надо теперь бежать от ВПП как можно дальше – врага встречать.

Немцев придурками считать – себе дороже. У них сейчас такой алярм-арбайтен настанет, что мама не горюй! Всё, что есть – как наскипидаренное будет ломиться сюда. Не дам!

У всех своя задача. И проблем много. И у меня – своя задача.

Да, мой нож сейчас пригодился бы в раскраивании боевых машин из будущего на аэромобильные куски.

А немцы? Кто другой сможет метаться с такой скоростью вокруг аэродрома и кто сможет привнести такой бардак, как я? Я же – олицетворение Хаоса! Буду преумножать энтропию всеми возможными способами. Как Ватутин говорил – немец, столкнувшись с непоняткой, впадает в ступор. Демона Хаоса хотите? Получите, распишитесь. Будет вам не то что ступор – столбняк! Жаль, огнесмесь заканчивается. Она – прямо в тему пошла. И ещё пошла бы на ура, но всё хоро-

шее всегда заканчивается слишком быстро.

Бегу, слышу – двигатели, хватаюсь за дерево – резко поворачиваю. Хрустит сдираемая моими пальцами кора. Десятки двигателей. Не вижу ещё, но Бася уже сканирует. Их я и искал. Пеленгом радиочастот их засёк, к ним и бежал. Вот они – тепловые выхлопы сквозь деревья. Колонна бронетехники. Впереди – мотоциклы. Болт на них! Их легко остановить. Надо тормозить танки. Выпили мы фанты и остановили танк! Так и будет. Захожу сбоку, как раз на передовой танк. Бася, помнишь, где у них двигатели, баки, боеукладки? Молодец!

Там, в будущем, вышла какая-то белорусская игрулька про танки, дико популярная, наверное, если в ноутах и «гэрэушников», и «хохлов» была установлена. Зачем, если в «поле» нет онлайна? Не важно. Важно то, что Бася сумел расковырять эту игрульку и воспользовался данными по бронетехнике. А сейчас проверим, насколько белые русы приверженцы историзма в игрушках.

– Бася! Плазмоган – на тебе! – даю я команду, мыслеусилием утапливая проекционную кнопочку перед правой скулой.

Выхватываю нож. Перед лицом – трассер плазмозаряда. Уходит от меня молнией, впивается в броню танка. Горит! Сразу горит!

– Бася, замыкающего! – мысленно кричу я, пробегая прямо сквозь заметавшихся немцев, махая ножом, как казачьей

шашкой – широкими взмахами пластаю тела.

Заученными до автоматизма действиями пехота противника спешивалась, залегала, искала глазами и стволами оружия противника, но тёмный лес молчал. Только в колонне – крики боли, треск, рёв горящих танков, оглушительный взрыв боеукладки.

Где противник? Сколько их? Видно только одного сумасшедшего, с неестественной скоростью и резвостью с одним только ножом метавшегося меж солдат. Он один, почти не вооружен. Задавят!

Ага! Ща-аз-з! Раздавите меня давить!

Ну, вот и последний танк выбросил флаг капитуляции алыми языками пламени.

Чиркнув виброклинком по силуэту ближайшего немца, бросаюсь головой вперёд, кувырок, перекат вбок, чиркнул клинком по бедру ближайшего, ещё кувырок, откат, встаю на ноги в низком старте и рву когти. Адъё, ребята!

У меня не стоит задача перемножения вас на ноль. Мне нужно вас остановить. Эти – встали. Надолго. А другие – идут. А там вот пушки тащат. Штук двадцать. Много. Так они мне всех на аэродроме с землёй перемешают. Надо им стволы-то позатыкать.

Опять об дерево меняю траекторию бега, мчусь к этому арtpолку. ДоложилсЯ генералу.

– Оставь. Я людей туда вышлю. С этим сами справимся. Ты танки останови. Это главное! Нам их пробивать нечем. И

сообщай, что увидишь. Нам тут ещё людей привозят.

Твою мать! Опять, сдирая кору, поворачиваю. Это, получается, на планерах – подмогу привезли? Смертников? Дураку ясно, что всех – не увезти. Многие – останутся на позициях, когда улетит последний самолёт.

Я заскрипел зубами. Суки! Попаданцы! Из-за вас погибнет столько хороших парней. Замечательных, изумительных! Эти смертники – добровольцы же. А на смерть падлюка не вызовется. Не сделает два шага вперёд. Ну что вам за Уралом-то не переноситься?!

Бася развернул полупрозрачную интерактивную карту. Ага, ещё семь передатчиков компактно движутся по одной из дорог. Ну, Бася, план тот же! Я – танцую, ты – стреляешь. 1,23 процента.

Усталый, голодный и злой возвращаюсь я домой. Ну, как домой? На аэродром. За моей спиной столбы чадающих дымов. Я окружил аэродром кольцом дымов, остановив все танки, все самоходы, запалив автоколонны. Такое вот утро у меня выдалось. Насыщенным.

Навстречу мне спешили бойцы в пятнистых камуфляжах егерей – понравилась осназу экипировка егерей, салютовали, улыбались, криками приветствовали. Кивал в ответ. На большее сил не хватало. Как я устал! И батарейка села – 0,32 процента. Отвоевался. Я уже убрал шлем, деактивировав костюм и почти все службы, приложения и оружие. Проекци-

онные пиксели больше не висели перед лицом. Только мини-карта.

Встретил меня сам товарищ генерал. Лично обнял, поблагодарил-расцеловал.

– Тридцать две сотые процента, – ответил я ему. – Отвоялся я. Чудес больше не будет.

– Жаль, – вздохнул он, потом махнул рукой. – Справимся! Главное ты уже сделал. Дал им по сопатке. Пока очухаются, пока пересчитаются, пока сориентируются – мы свои дела успеем сделать. Иди, отдохни. На тебе лица нет.

– Хрен на него! Какие потери?

– Нормально, – махнул рукой генерал. – Главное – «хроников» не потеряли.

– «Хроники»?

– Ну да. Так стали называть наших подопечных. Первую партию уже отправили. Как ты говоришь – самых токсичных.

– Лучше бы лучших отправили. А этих тут передушили.

– Иди, поспи, Витя. Ты не в себе.

Я открыл рот, хотел его раз... поругаться. Рот захлопнул и побрёл на источник вкусных запахов. Пусть. Пусть идёт как идёт! Сам же отказался от главенствующей роли. Вот и сопи в две дырки. Уснул я, сидя на ящике, с ложкой и тарелкой в руках. И даже не почувствовал, как меня толпой (тяжелый я) отнесли, положили на ворох матрасов, укрыли несколькими одеялами. Не видел, что около меня расположились дюжина попаданцев и две дюжины осназа. Не видел. Разогнал бы. Не

кучковаться!

Медвежьи сны

Мысли мои стали путаться, сплетаясь в клубок, который продолжал расти, пока в чреве клубка не зародился сон и не потёк по потокам мыслей в обратном направлении.

Но вместо темноты сна, поток этот принёс мне яркий свет. Я осознал себя стоящим под ярким солнцем где-то в бескрайней степи, по колено в высокой, душистой траве. На мне была белая (почти) хощовая рубаша и коричневые штаны из этого же материала. Ноги мои были босы.

– Здрав будь, человече! – услышал я голос. Ясный и сочный, как голос Левитана.

Я посмотрел туда, откуда услышал приветствие. На вросшем наполовину в землю камне сидел довольно колоритный персонаж. Был он молод. Лысая голова. Из макушки на плечо свисает заплетённая русая косичка, светлая кожа, русые брови, чёрные ресницы, светлые глаза насмешливы, в усмешке кривится и рот. Подобно черепу подбородок – тоже гладко выбрит. Такой, знаете ли, казачок. Сейчас на Украине модно стало так. Самостийно так. Ряженые.

Только этот не ряженный. Он был в доспехе. Настоящем. Кольчуга, панцирь, красный щит у ног, футляр, из которого торчал самый настоящий лук. И другой футляр, тула, со стрелами. Два меча, булава, два копья – длинное и короткое. Пояс, расшитый золотом. Золотые украшения. Всё это по-

тёртое, бэушное, битое, чиненое.

А прямо над его головой развевался на слабеньком ветерке прапор. С очень необычным изображением – герб российский, но орел трёхголовый. То есть в середине, там, под третьей короной – третья, самая крупная голова. Видимо, главная.

– Гой еси ты, добрый молодец, или тьма в душе твоей? – спросил он меня.

Блин, сказка мне, что ли, снится? А что там, в сказках, Иванушки-дурачки отвечают?

– Ты сначала накорми, напои, спать уложи, а потом и спрашивай, – ответил я. Это довольно дерзко. А ну как он меня сейчас в капусту порубает этими мечами? Но я же в сказке?

Он довольно заржал, широко открыв рот, полный белых зубов, откинувшись, схватившись за живот. Отсмеявшись, он пристально всмотрелся в меня.

– Да ты же беспутный! – вынес вердикт он.

– Да ты что?! – всплеснул я руками. – Вот напасть-то! Так и заблудиться недолго!

– Ток, думаю, неспроста ты тут оказался. Урок у тебя?

– Да нет – школу я давно закончил.

Он нахмурился:

– Ты и урока своего не знаешь, – вздохнул он, – счастливый безумец. А я вот свой урок усваиваю. И признаю его невыносимо тяжким.

– И в чём урок твой? – спросил я его. Рубить он меня,

похоже, не собирается. И это уже хорошо.

– Обернись, – велел он мне.

Я обернулся. И увидел (почему только сейчас?) дымы от горизонта до горизонта.

– Вот и урок мой идёт. Изменник ведёт орду пёсьеголовых. А это горят города и посады людские. И некому их остановить. Не до них людям. Пока пёсьеголовые к тыну не подойдут – не почешутся. Так и гибнут в их потоке, как сухостой под паводком.

– Как обычно. А кто это пёсьеголовые?

– Увидишь. Они уже близко.

Он горестно склонил голову. Стал вещать мне ли или себе – непонятно:

– Прав брат – поросли души людей жиром, подобно сухим мозолям. Перестали Свет от Тьмы отличать. Правду от кривды. И сердца их поросли мхом. Любить не способны стали. И чресла их не дают потомства. И тела их заросшие жиром. Как пороси, на ноги сели. Отвернулся Бог от нас, неблагодарных. Не достучался я до их разумов, коростой закрытых. Злом обросли.

Хм-м, а ведь прав витязь, так и есть.

– А много их, пёсьеголовых? – спросил я.

– До неба. Они же без Яна плодятся подобно скоту. В скотстве и в грехе живут. Да и мы-то чем лучше?

Он без Яна. Обезьяна! Твою мать! Обезьяны! Пёсьеголовые! Голова обезьяны похожа на собачью! Это что за сказ-

ка такая? «Планета обезьян»?

– А ты один собрался с ними биться?

– Придётся.

Дурак? Герой? Ие-эх! Я тоже дурак.

– Я – с тобой! – заявил я ему. – Вон, я вижу – топор у тебя лишний. Уж с топором-то я управлюсь.

– Храбрый безумец, – усмехнулся витязь, покачав головой. – Но это мой урок, не твой. А ты – смотри. Уразумей.

Я пожал плечами – как знаешь. Моё дело предложить.

Витязь встал, перекрестился на солнце, повернулся лицом к стене дымов, стал ждать. Мне тоже ничего другого не осталось, кроме как ждать.

Ждали мы недолго. Земля начала слегка подрагивать, потом всё ощутимее и ощутимее. И вот уже стал слышен топот тысяч ног, поднимающих тучу пыли. Степь потемнела от людской волны, захлестнувшей просторы подобно приливу.

Витязь спокойно смотрел на это нашествие, и я – смотрел с любопытством и полным спокойствием. Просто я не верил в реальность происходящего. Я же был в «сказке». Мне было безумно интересно увидеть легендарных персонажей древнейшего эпоса – пёсеголовых.

По старинным, почти забытым мифам была грандиознейшая война на истребление между людьми и пёсеголовыми, которые по этим самым мифам – людьми не считались. Почему не считались? В сказках это упоминалось как само

собой разумеющееся, но за давностью лет это «само собой» утерялось. Единственное, что я понял, что пёсьеголовые – не брезговали есть друг друга, а людей вообще считали деликатесом. Вот и выясним!

– Скажи, эти пёсьеголовые – не люди? – спросил я витязя.

– Уже нет. Оскотинились, – ответил он.

– А как они выглядят?

– Увидишь.

– Сильно от нас отличаются? Они не люди?

– По-разному. Какие – никак не отличишь, а какие – чисто звери. Нелюди. Ворсом поросли, даже дар речи утеряли.

– И как их от людей отличить?

– Спеть попроси. Петь они не умеют. Лаяются по-пёсьи. А зачем им молвить? Бога они всё одно отринули, слышать не желают, не то что молву ему вознести.

– А почему ты меня не попросил спеть? Я же тоже петь не умею, – удивился я.

Витязь повернул ко мне голову, одарил пронзительным взглядом глаз цвета льда.

– Повторяй! – велел он. И запел мелодичным речитативом.

Я стал ему вторить. От вибраций его и моего голосов кожа моя сначала пошла мурашками, потом волнами. Я был впечатлён.

Витязь ловко выхватил из колчана стрелу и кинул мне.

– Проткни кожу, – велел он.

Я пожал плечами и воткнул остро заточенный наконечник в предплечье. Кожа под сталью натянулась, но не провалилась. Я в изумлении убрал стрелу. Остался только красный след.

— Запомнил наговор?

— Запомнил. А что это было?

— Кожедуб. Что, потомки утеряли молву?

— А как ты узнал? Гм-м, а с чего ты взял, что я потомок?

Витязь усмехнулся, отвернулся встречать группу всадников, что плыла к нам по травяному морю. Они налетели, словно стая ворон, закружили вокруг, вытаптывая травостой.

И не увидел я никаких пёсеголовых. Обычные люди, как я или как витязь. Даже одеты так же, как и мой собеседник.

Одна странность была — все до одного — уважительно кивали витязю. Они были знакомы. Видимо, поэтому они не напиговали нас стрелами, не пронзили копьями и не порубали мечами, саблями и секирами. Молча кружили.

Потом круг их распался, пропуская ещё одного человека. Точную копию «моего» витязя. Только над головой его развёлся не стяг с трехглавым орлом, а его собственное изображение, на коне, пронзающее копьём змееподобного дракона в пасть.

— Ну, здравствуй, великий княже! — приветствовал всадник с георгиевским стягом «моего» витязя.

— Здрав будь и ты, изменник. Почто привёл орду пёсего-

ловых? Над ними царём быть лучше, чем царём людей?

Царь-изменник злобно ощерился, легко соскочил с коня, оказавшись прямо напротив князя, то есть «моего» витязя.

Что-то щёлкнуло у меня в голове, и вспыхнуло озарение, подобно короткому замыканию. Великий князь – правит жизнью людей через своих помощников, князей, подобно современной мне исполнительной власти, а царь – верховный главнокомандующий. И есть ещё и государь – третья голова орла, над ними обоими. В наше время была ещё и законодательная власть, но тут она была не нужна – жили по единому Завету Рода, он же Завет Предков, он же Закон Божий. По традиции. Уклад жизни этот позже именовался – с презрением – традиционным.

– А где дружина твоя, брат, где люди ярые, где войско людское, где ополчение черни? Или ты решил, что один остановишь меня?

Князь молчал.

– Молчишь? Признаёшь правду мою? Не я ли тебе говорил о лени людской? Не я ли тебя остерегал от полного избавления людей от угрозы? Не услышал ты меня. А теперь они не услышали тебя? Не пришли на поле рати? И государя не послушали? И Бога они не слышат, брат! Не хотят они быть людьми! Хотят сытно есть и сладко спать, подобно поросям. И мы с тобой дали им такую жизнь! Свинячью!

– А тьма диких их людьми сделает? – спросил царя князь.

– Нет. Но я – огнём выжгу коросту жира с их души, сердец

и разума. Или уничтожу! Разжирели человеки, обленились. Мы с тобой покончили с войнами, мы с тобой отвадили всех ворогов от Родины, мы с тобой одолели племя Змея, мы изгнали пёсьеголовых с земли Рода. Мы заложили эпоху! Век от Сотворения Мира в Звёздном Храме! Принесло ли это добро люду? Всего век без войн, век мира, Золотой век нашего народа, посмотри, во что они превратились?! Или в сердцах их вспыхнет праведный огонь и очистит разум, или не станет никого! Только зверолюди. И ты знаешь, что я прав, знаешь! Почему встал супротив меня?! Встань рядом, спасём людей от скотства, как спасали от смерти! Вместе, как делали это всегда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.